И. Иванюковъ

докторъ политической экономіи, профессоръ Петровской академіи.

801-15
833

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ

КАКЪ

УЧЕНІЕ О ПРОЦЕССѢ РАЗВИТІЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ЯВЛЕНІЙ.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

МОСКВА. 1891

Книжный Магазинъ Н. И. Мамонтова

Москва, Кузнецкій мостъ, д. Фирсановой.

Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5

45671-0

2011143774

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Очеркъ современныхъ экономическихъ школъ.

Стр.

Опредѣленіе науки политической экономіи. Причины поздняго ея возникновенія. Характеристическія черты экономической организаціи классическаго міра. Экономическая организація въ средніе вѣка. Начало разложенія средневѣковаго быта и поступательное развитіе новыхъ условій общественной жизни. 1

Экономическая политика правительствъ съ половины 16 до половины 18 столѣтія. Возникновеніе экономической литературы и ея характеръ. Развитіе мануфактуръ есть важнѣйшій факторъ въ дѣлѣ возрастанія общественнаго значенія средняго сословія. Борьба мануфактуръ съ цеховой организаціей . . 7

Зарожденіе и развитіе идеи объ экономической свободѣ. Школа физіократовъ. Осуществленіе идей физіократовъ французской революціей 14

Исходныя положенія теоріи Адама Смита и связь ихъ съ ученіемъ физіократовъ. Писатели, оказавшіе послѣ Смита сильнѣйшее вліяніе на экономическія воззрѣнія: Мальтусъ и Рикардо. Различіе въ историческомъ значеніи теоріи Смита и современной школы свободной конкуренціи. Реформа законодательствъ въ направленіи экономической свободы 22

Развитіе оппозиціоннаго Смитовской школѣ направленія. Листъ. Штейнъ. Родбертусъ. Гильдебрандъ. Книсъ. Рошеръ. Марксъ. Лассаль. Возникновеніе реалистической школы политической экономіи 32

Характеристика реалистической школы политической экономіи. Пути устанавливаемые реалистической школой для осуществленія соціальной реформы. Брентано и Адольфъ Вагнеръ 42

Характеристическія черты русской экономической литературы. 59

КНИГА ВТОРАЯ.

Производство.

ГЛАВА I.

Элементы производства.

Стр.

Классификація хозяйственныхъ явленій 65

Предметы природы, входящіе въ содержаніе политической экономіи. Основные элементы производства 66

Природа, какъ факторъ производства. Вліяніе на производство: 1) распредѣленія водъ; 2) геологическаго и геогностическаго строенія земной коры; 3) климата; 4) географическаго положенія территоріи въ отношеніи къ другимъ территоріямъ. Измѣненіе естественныхъ условій производства человѣческою дѣятельностью 67

Трудъ, какъ дѣятель производства. Составъ матеріальнаго и не матеріальнаго производства. Зависимость матеріальнаго производства отъ нематеріальнаго. Орудія труда 74

ГЛАВА II.

Капиталъ.

Понятіе о капиталѣ. Составныя части капитала. Потребленіе капитала въ производствѣ. Роль труда въ умноженіи количества и стоимости продуктовъ и части ихъ—капитала. Основной и оборотный капиталъ 77

ГЛАВА III.

Условія производительности труда, связанныя съ самимъ трудомъ.

Трудъ по существу своему есть дѣятельность пріятная. Производительность труда въ зависимости отъ его интенсивности. Мотивы къ труду, обусловливающіе его интенсивность. Интенсивность труда въ зависимости отъ продолжительности его затраты. Производительность труда въ зависимости отъ искусства 90

Производительность труда въ зависимости отъ соединенія и раздѣленія его. Темныя стороны раздѣленія труда. Устраненіе темныхъ сторонъ раздѣленія труда 98

ФОРМЫ ПРЕДПРІЯТІЙ.

А. Формы хозяйственныхъ предпріятій по отношенію къ ихъ размѣрамъ.

ГЛАВА IV.

Мелкое и крупное производство.

Классификація хозяйственныхъ предпріятій. Внѣшніе признаки мелкаго и крупнаго производства 106

Стр.

Непрерывное расширеніе размѣровъ предпріятій составляетъ характеристическую черту новѣйшаго хозяйственнаго развитія европейскихъ народовъ. Хозяйственныя выгоды отъ расширенія размѣровъ предпріятій. Распространеніе крупной промышленности въ большихъ государствахъ Европы. Условія развитія крупной промышленности 100

Мелкое и крупное производство въ земледѣліи. 115

В. Хозяйственныя предпріятія по отношенію участвующихъ въ производствѣ лицъ къ средствамъ производства.

ГЛАВА V.

Общинное землевладѣніе.

Коммунизмъ въ примитивныхъ обществахъ. Возникновеніе и развитіе индивидуальной собственности коренится въ процессѣ обособленія труда. Слѣды происхожденія индивидуальной собственности изъ трудоваго начала въ жизни русскаго народа 120

Процессъ приватизированія общиннаго имущества. Внутреннія и внѣшнія причины перехода общиннаго землевладѣнія въ частную собственность . . 127

Возникновеніе и развитіи въ русской литературѣ вопроса объ общинномъ землевладѣніи. Отношеніе положенія 19 февраля 1861 года къ общинному землевладѣнію 132

Господствующіе въ современной Россіи порядки общиннаго землевладѣнія. Наибольшая путаница въ понятіяхъ объ общинномъ землевладѣніи проистекаетъ изъ взгляда, что господствующая нынѣ въ Россіи форма общиннаго землевладѣнія исчерпываетъ собою содержаніе общиннаго владѣнія землей. . 136

Невыгодныя стороны господствующей нынѣ въ Россіи формы общиннаго землевладѣнія. Выгодныя стороны общиннаго землевладѣнія 143

Желательныя измѣненія въ дѣйствующемъ у насъ законодательствѣ въ интересѣ охраненія общиннаго землевладѣнія. Политика охраненія общиннаго землевладѣнія не стоитъ въ противорѣчіи съ успѣхами земледѣлія 160

ГЛАВА VI.

Семейная форма производства и мелкія формы предпріятій съ наемнымъ трудомъ.

Важнѣйшіе признаки мелкаго промышленнаго предпріятія. Мелкая промышленность въ стародавнія времена: въ вѣкахъ каменномъ, бронзовомъ, желѣзномъ. Характеръ промышленности у историческимъ народовъ древняго міра. 166

Домашняя обрабатывающая промышленность въ началѣ среднихъ вѣковъ у варварскихъ народовъ. Развитіе свободной промышленности въ городахъ. Возникновеніе цеховъ. Условія вступленія въ цехъ. Заботы цеховыхъ корпорацій о доброкачественности издѣлій въ интересахъ покупателей и самихъ мастеровъ. Стремленіе цеховъ къ пріобрѣтенію политическихъ правъ. Ремесленный характеръ цеховой промышленности 171

Стр.

Экономическій переворотъ въ быту европейскихъ народовъ въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка. Развитіе крупнаго производства. Распространеніе въ наши дни мелкой промышленности въ Западной Европѣ 175

Характеръ промышленности въ древней Россіи. Мѣры правительства къ удовлетворенію нужды государства въ издѣліяхъ ремесла и кустарныхъ промысловъ. Мѣры, принятыя Петромъ I и Екатериною II съ цѣлью развитія и усовершенствованія ремеслъ въ Россіи. Правительственныя мѣры къ развитію крупной промышленности 178

Современное состояніе мелкой промышленности въ Россіи. Обработка волокнистыхъ веществъ. Обработка растительныхъ матеріаловъ, безъ волокнистыхъ. Обработка животныхъ матеріаловъ, безъ волокнистыхъ. Обработка минеральныхъ веществъ 194

Заключеніе 234

ГЛАВА VII.

Капиталистическая форма хозяйственнаго предпріятія.

Характеристическія черты капиталистическаго хозяйственнаго предпріятія и условія его развитія. Отсутствіе условій развитія капиталистической формы промышленности въ классическомъ мірѣ и средневѣковомъ хозяйственномъ строѣ 236

Зарожденіе капиталистической организаціи народнаго хозяйства. Основныя черты капиталистическаго народнаго хозяйства. Мотивъ къ возникновенію капиталистической формы предпріятія. Процессъ образованія прибавочной стоимости въ капиталистическомъ производствѣ. Постоянный и перемѣнный капиталъ. Необходимый и прибавочный трудъ. Условія, опредѣляющія валовую величину прибыли класса предпринимателей, употребляющихъ наемный трудъ. Извлеченіе изъ предпріятія большей прибыли составляетъ мотивъ, побуждающій предпринимателей производить техническія усовершенствованія . . . 248

Важнѣйшія технологическія отличія мануфактурнаго періода производства отъ предшествовавшаго ему періода ремесленнаго производства 263

Періодъ машиннаго производства. Технологическая сущность машины. Условіе большей или меньшей полезности машины. Условія примѣнимости машины. Соціальныя измѣненія, порождаемыя машиннымъ производствомъ. Значеніе фабричнаго законодательства, какъ средства для защиты интересовъ рабочаго класса 266

Положеніе рабочихъ на мануфактурахъ, заводахъ и фабрикахъ нашего отечества по отчету московскаго фабричнаго инспектора 280

Накопленіе капитала при современныхъ техническихъ условіяхъ и современномъ состояніи наемнаго труда. Теорія народонаселенія Мальтуса. Дѣйствительныя причины избыточнаго населенія. Категоріи избыточнаго населенія. Прогрессивное образованіе капиталистическимъ народнымъ хозяйствомъ элементовъ къ саморазложенію въ другія формы промышленныхъ предпріятій. 300

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Обмѣнъ.

ГЛАВА I.

Мѣновая цѣнность.

Стр.

Условія существованія обмѣна. Значеніе обмѣна въ современныхъ культурныхъ обществахъ 315

Понятіе о мѣновой цѣнности и цѣнѣ. Классификація предметовъ по условіямъ, регулирующимъ ихъ цѣны 316

Условія, опредѣляющія цѣну предметовъ, количество которыхъ безусловно ограничено 317

Условія, опредѣляющія цѣну предметовъ обрабатывающей промышленности. Элементы, опредѣляющіе стоимость производства. При одинаковомъ измѣненіи стоимости производства всѣхъ предметовъ, мѣновая цѣнность ихъ остается прежняя. Внутренняя и рыночная мѣновая цѣнность. Темныя стороны современнаго обмѣна 319

Условія, опредѣляющія цѣну предметовъ добывающей промышленности. Вліяніе измѣненія въ спросѣ и предложеніи хлѣба на его цѣну 323

Условія, опредѣляющія цѣну имуществъ, служащихъ какъ источникомъ дохода, такъ равно и предметомъ купли-продажи 327

ГЛАВА II.

Металлическое денежное обращеніе.

Понятіе о деньгахъ. Благородные металлы удовлетворяютъ болѣе всѣхъ другихъ предметовъ условіямъ, требуемымъ отъ денегъ 328

Условія, опредѣляющія мѣновую цѣнность металлическихъ денегъ. Различные результаты отъ пользованія деньгами для накопленія запасовъ и отъ пользованія ими для обращенія имуществъ 331

Условія, опредѣляющія количество денегъ, требуемое сферою обращенія. Процессъ приравненія благородныхъ металловъ и денегъ къ ихъ стоимости производства внутри страны или къ стоимости пріобрѣтенія ихъ изъ за-границы 335

Историческія данныя о количествѣ добыванія благородныхъ металловъ и объ универсальныхъ измѣненіяхъ ихъ цѣнности 338

ГЛАВА III.

Бумажное денежное обращеніе.

Причина возможности бумажнаго денежнаго обращенія. Условія, опредѣляющія мѣновую цѣнность бумажныхъ денегъ 341

Возвышеніе цѣнъ отъ чрезмѣрнаго выпуска бумажныхъ денегъ не происходитъ одновременно и одинаково во всѣхъ товарахъ и раіонахъ. Мѣновая цѣнность неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ въ отношеніе благородныхъ металловъ подвергается болѣе частымъ колебаніямъ сравнительно съ измѣненіями цѣнности ихъ въ отношеніе прочихъ предметовъ 344

Стр.

Вредныя вліянія бумажнаго денежнаго обращенія. Мѣры къ возстановленію цѣнности бумажныхъ денегъ, соотвѣтствующей ихъ нарицательной стоимости. Уравненіе рыночной и нарицательной стоимости бумажныхъ денегъ путемъ девальваціи 346

Данныя изъ исторіи бумажныхъ денегъ въ Россіи 349

ГЛАВА IV.

Кредитъ.

Понятіе о кредитной сдѣлкѣ. Условія развитія кредита. Значеніе современнаго кредита въ народномъ хозяйствѣ. 351

Простѣйшія формы кредитныхъ документовъ. Вліяніе кредита на цѣны. . 353

Развитіе банковаго кредита. Основной смыслъ дѣятельности современныхъ банковъ. Активныя операціи банковъ. Пассивныя операціи банковъ. 357

Правила раціональной банковой дѣятельности. Значеніе основнаго банковаго капитала. Резервный капиталъ банка. Оцѣнка англійскаго банковаго акта 1844 года 367

Классификація банковъ въ техническомъ отношеніи. Классификація банковъ соотвѣтственно классамъ ихъ главныхъ должниковъ 372

ГЛАВА V.

Свобода внѣшней торговли и протекціонизмъ.

Обычное значеніе слова „протекціонизмъ“. Ближайшій результатъ запрещенія или стѣсненія пошлиной привоза иностранныхъ товаровъ 376

Наиболѣе распространенный доводъ въ защиту покровительственныхъ пошлинъ. Защита пошлинъ ради расширенія поля занятія труда. Защита пошлинъ ради уменьшенія и истощенія почвы. Защита пошлинъ ради увеличенія промышленно-городскаго населенія 377

Устройство тарифнаго учрежденія и правила, которыми оно должно руководствоваться 390

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Распредѣленіе.

ГЛАВА I.

Четыре вида промышленныхъ доходовъ.

Порядокъ распредѣленія опредѣляется организаціей производства. Источникъ рентныхъ доходовъ. Неодинаковость распредѣленія въ разныхъ странахъ собственности на землю и орудія труда. Методъ изслѣдованія явленій распредѣленія 393

ГЛАВА II.

Заработная плата.

Стр.

Понятіе о заработной платѣ. Формы заработной платы 398

Условія, опредѣляющія величину заработной платы. Причина различій заработной платы въ разныхъ отрасляхъ занятій 401

Величина заработной платы въ дѣйствительности. 409

Матеріальное положеніе русскаго крестьянскаго населенія. 428

Различія процента смертности въ классахъ достаточныхъ и бѣдныхъ . . 442

Тѣсная связь между прогрессивнымъ пониженіемъ относительной заработной платы и кризисами 445

ГЛАВА III.

Предпринимательская прибыль.

Понятіе о предпринимательской прибыли. Условія, опредѣляющія величину прибыли класса предпринимателей. Распредѣленіе предпринимательской прибыли между отдѣльными предпріятіями. Данныя о возрастаніи предпринимательской прибыли 447

ГЛАВА IV.

Земельная рента.

Понятіе о земельной рентѣ. Условія высоты земельной ренты 452

Движеніе высоты земельной ренты, какъ оно происходитъ въ дѣйствительности. Объясненіе Рикардо причины постояннаго возрастанія земельной ренты. Ошибочность объясненія Рикардо. Дѣйствительныя причины возрастанія земельной ренты въ Западной Европѣ. Возраженія Родбертуса противъ ученія Рикардо о ходѣ занятія земли и объ уменьшающейся производительности земледѣльческаго труда 463

Минеральная рента. Рента отъ земли подъ строеніями 468

Связь между условіями возрастанія земельной ренты и распредѣленіемъ національнаго продукта. Капитализація земельной ренты. 469

ГЛАВА V.

Процентъ съ капитала.

Понятіе о процентѣ съ капитала. Условія, опредѣляющія величину процента. Движеніе величины процента 471

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изслѣдованіе закономѣрности важнѣйшихъ экономическихъ явленій современнаго европейскаго общества (включая сюда Россію) и условій ихъ развитія составляетъ главное содержаніе предлагаемаго сочиненія. Важнѣйшія же движенія въ экономической литературѣ и оцѣнка экономическими школами основъ современнаго хозяйственнаго строя, съ точки зрѣнія общественнаго благосостоянія, указаны въ первой книгѣ настоящаго сочиненія лишь въ общихъ чертахъ, такъ-какъ болѣе подробное изложеніе этого предмета находится въ моемъ сочиненіи: „Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени".

Изслѣдуя причинную связь экономическихъ явленій въ данное время, преимущественно въ настоящее, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, указываю и процессъ развитія типическихъ хозяйственныхъ формъ, черезъ что выясняются основанія для полученія въ отношеніи любаго явленія отвѣтовъ на слѣдующіе вопросы, являющіеся основными въ каждой наукѣ:

1) Причины возникновенія явленія.

2) Условія, въ силу которыхъ явленіе развилось или исчезло.

3) Количественное выраженіе явленія или, иначе сказать, размѣры его развитія.

4) Условія дальнѣйшаго развитія явленія и условія его устраненія, исчезновенія.

5) Какія изъ этихъ условій имѣются на лицо въ данной соціальной средѣ.

Существуетъ еще одинъ вопросъ, неизбѣжно вытекающій изъ природы науки, предметомъ которой служатъ общественныя явленія, именно, вопросъ о мѣрахъ къ развитію явленій, увеличивающихъ общественное благосостояніе, и къ устраненію явленій, дающихъ обратные результаты. Отдѣлъ науки, занимающійся этимъ вопросомъ, носитъ названіе Политики. Въ области хозяйственныхъ явленій изслѣдованіе перечисленныхъ пяти вопросовъ составляетъ содержаніе Политической Экономіи, изслѣдованіе же мѣръ, увеличивающихъ благосостояніе—содержаніе Экономической Политики. Само собой разумѣется, что экономическая политика получаетъ всѣ свои основанія изъ политической экономіи, она исходитъ изъ положеній, добытыхъ политической экономіей. Въ настоящемъ сочиненіи изслѣдуются явленія, составляющія содержаніе науки политической экономіи, а потому на задачи экономической политики сдѣланы лишь указанія.

Работая надъ „Общиннымъ Землевладѣніемъ“ — которому отведена отдѣльная глава въ настоящемъ сочиненіи — и перечитавъ все имѣющееся въ русской и иностранной литературѣ по общинному землевладѣнію въ Россіи, я пришелъ къ выводу, что лучшая формулировка современнаго экономическаго и соціальнаго значенія господствующей нынѣ въ нашемъ отечествѣ формы общиннаго землевладѣнія находится въ трудахъ К. Д. Кавелина, и что глава объ общинномъ землевладѣніи можетъ быть написана лучше и всестороннѣе г. Кавелинымъ, нежели мною. Въ виду этого я обратился къ К. Д. съ просьбой написать главу объ общинномъ землевладѣніи для приготовляемаго мною къ печати трактата по политической экономіи. Вплотную наполненное занятіями время не позволяло К. Д. принять моего предложенія. Но онъ оказалъ большую помощь моему труду, предоставивъ мнѣ право пользоваться не только мыслью, но и текстомъ всѣхъ его трудовъ, и я обильно воспользовался этимъ правомъ. — Неутомимаго изслѣдователя истины и правды лишилось русское общество въ лицѣ К. Д. Кавелина.

Окончивъ работу по общинному землевладѣнію, я передалъ ее К. Д. Кавелину съ просьбой, чтобы онъ высказалъ о ней свое мнѣніе. К. Д. далъ отзывъ, что по существу дѣла раздѣляетъ взгляды, изложенные въ моей статьѣ. Съ величайшимъ

удовольствіемъ и признательностью пользуюсь предоставленнымъ мнѣ К. Д. правомъ напечатать его мнѣніе. Авторитетный отзывъ К. Д. Кавелина представляетъ уже самъ по себѣ большой умственный интересъ и, сверхъ того, не можетъ не оказать вліянія на распространеніе воззрѣній по одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ русской жизни, высказанныхъ въ моей работѣ по общинному землевладѣнію.

Вотъ отзывъ К. Д. Кавелина:

„Съ чувствомъ искреннѣйшаго удовольствія и глубокаго удовлетворенія прочиталъ я доставленную мнѣ вами въ рукописи статью вашу объ общинномъ землевладѣніи. Ваши мысли о его значеніи въ настоящемъ и вѣроятномъ развитіи въ будущемъ вполнѣ совпадаютъ съ моими давнишними, задушевными убѣжденіями. Съ 1859 года я стою на томъ, что общинное землевладѣніе есть одна изъ древнѣйшихъ, первобытныхъ формъ отношенія къ землѣ, сохранившаяся у насъ до послѣдняго времени, благодаря крѣпостному праву и финансовому управленію; что въ теперешнемъ своемъ видѣ оно также мало отвѣчаетъ идиллическимъ возрѣніямъ на русскаго крестьянина, какъ и мечтаніямъ крайнихъ представителей современнаго соціальнаго движенія; но, въ то же время, я твердо, непоколебимо убѣжденъ въ томъ, что этотъ обломокъ старины, обветшавшій въ своихъ формахъ, можетъ, если за него умѣло взяться, сослужить великую службу и стать могучимъ, благодатнымъ, ничѣмъ незамѣнимымъ средствомъ для правильнаго устройства и обезпеченія быта сельскаго населенія. Общинное землевладѣніе, въ рукахъ государей и русскихъ государственныхъ людей, можетъ обратиться въ талисманъ, который избавитъ насъ въ будущемъ и отъ тяжкихъ испытаній, пережитыхъ остальной Европой, и отъ соціальныхъ фантазій, представляющихъ въ наше время серьезную опасность для европейской цивилизаціи и культуры. Вашъ трудъ, въ связи съ нѣкоторыми другими данными, есть отрадный признакъ, что вопросъ объ общинномъ землевладѣніи перестаетъ уже быть предметомъ нескончаемыхъ недоразумѣній — пугаломъ для однихъ, поводомъ для соціальныхъ, философскихъ и патріотическихъ грезъ для другихъ — и дѣлается темою серьезныхъ научныхъ изслѣдованій, которыя только и въ состояніи раскрыть его настоящее значеніе и роль въ будущемъ.

„Вы требуете отъ меня вполнѣ откровеннаго отзыва о вашемъ трудѣ. Охотно пользуюсь вашимъ любезнымъ вызовомъ

и спѣшу сообщить вамъ нѣкоторыя мысли, вызванныя чтеніемъ вашей рукописи. Онѣ касаются только частностей, а не существа дѣла, ибо по существу я вполнѣ и всецѣло раздѣляю ваши взгляды.

„Если я хорошо васъ понялъ, вы приписываете происхожденіе личной поземельной собственности однимъ условіямъ производства и промысловъ. Мнѣ кажется, что вы въ этомъ случаѣ преувеличиваете роль экономическихъ факторовъ. Личная поземельная собственность имѣетъ, какъ я думаю, источникомъ болѣе общій законъ, съ неизбѣжною правильностью выражающейся во всѣхъ явленіяхъ организованной жизни, именно законъ дифференціаціи. Его можно одинаково прослѣдить въ развитіи и былинки, и человѣка, и человѣческаго общества. Все живое, организованное, стремится скрытые въ немъ въ слитномъ, безразличномъ видѣ возможности и зачатки развить и раскрыть во всей ихъ полнотѣ и въ возможной обособленности. Вначалѣ, пока они существуютъ въ скрытомъ видѣ, они какъ бы поглощаются единствомъ организма, въ которомъ заключены, какъ его составныя части; но впослѣдствіи, развившись и обособившись, они выступаютъ на первый планъ до того, что заслоняютъ самый организмъ, придающій имъ единство и связующій ихъ въ одно цѣлое. Сравните бытъ древнѣйшихъ семей и современной семьи, европейской или сѣверо-американской, и васъ поразитъ, прежде всего: въ первыхъ — безличность членовъ передъ главою семейства, во второй — личная и имущественная самостоятельность каждаго изъ членовъ. Приписать такое всеобщее явленіе, какъ дифференціація, однимъ экономическимъ условіямъ значитъ, мнѣ кажется, умалить и съузить его значеніе. Появленіе личной собственности было результатомъ не одной экономической жизни, но и развитія индивидуализма, которое отразилось и въ правѣ, и въ экономическихъ отношеніяхъ.

„Я остановился на этомъ собственно потому, что въ наше время замѣчается вообще наклонность преувеличивать значеніе экономическихъ факторовъ. Увлеченіе такого рода очень понятно, если припомнить, какъ, сравнительно еще недавно, на экономическую сторону общественныхъ явленій не обращалось никакого вниманія. Но все же едва ли правильно, указывая на одну сторону, преувеличивать ея значеніе и упускать изъ вида другія, а этимъ мы грѣшимъ не рѣдко. Такъ, въ замѣчательныхъ и крайне интересныхъ изслѣдованіяхъ г-жи Ефименко, на которыя вы ссылаетесь, раскрыта и освѣщена

важная роль труда, работы, въ правилахъ о семейныхъ раздѣлахъ и наслѣдованія по обычному праву крестьянъ. Но трудъ не служитъ въ такихъ случаяхъ единственнымъ основаніемъ при опредѣленіи правъ и долей; крестьянами принимаются въ соображеніе и другія условія, на которыя необходимо указать, чтобы правильно понять крестьянскіе обычаи. Я, напримѣръ, изъ личныхъ наблюденій въ Самарскомъ Заволжьи знаю, что крестьяне при семейныхъ раздѣлахъ берутъ въ разсчетъ налоги, лежащіе на крестьянствѣ, и требуютъ, чтобы отецъ, отпуская отъ себя сына, надѣлилъ его всѣмъ, что необходимо для исправнаго отбыванія податей и повинностей. Чтобы вполнѣ понять и оцѣнить такое сложное явленіе, какъ общинное владѣніе, связанное безчисленными и тончайшими нитями со всѣми сторонами народной жизни, необходимо взвѣсить всѣ его составные элементы и всѣ условія, которыя его создали и поддерживаютъ. Экономическія условія, безспорно, играютъ при этомъ большую роль, но не они одни исключительно; есть и другія, между прочимъ юридическія. Вы, какъ политико-экономъ, естественно обратили вниманіе на хозяйственную сторону вопроса; для меня, какъ юриста, на первый планъ выдвигается юридическая сторона общиннаго землевладѣнія. Въ книгѣ, посвященной изслѣдованію экономическихъ условій общественнаго быта, главная задача, конечно, правильно освѣтить эту сторону вопроса, что вы и сдѣлали. Но общинное землевладѣніе до сихъ поръ занимаетъ исключительное положеніе. Оно принадлежитъ къ числу предметовъ, далеко еще не выясненныхъ. Шаблонная наука смотритъ на него съ крайнимъ недовѣріемъ; сельскіе хозяева относятся къ нему прямо враждебно, по причинамъ вполнѣ уважительнымъ. Очень немногіе понимаютъ, что то, что разумѣется теперь подъ общиннымъ владѣніемъ, есть лишь обветшалая его форма, которая должна замѣниться другой, отвѣчающей нарождающемуся индивидуализму и потребностямъ болѣе высокой культуры, въ сторону которой и мы понемногу движемся. Прибавьте къ этому туманъ, напущенный на общинное землевладѣніе предразсудками національными, политическими, крайними экономическими теоріями и разными другими фантазіями. Все это вмѣстѣ дѣлаетъ изъ общиннаго владѣнія какое-то безобразное чудище, отвратительное, страшное и нелѣпое. Пройдетъ еще не мало времени, пока, наконецъ, удастся водворить въ умахъ и сознаніи правильную точку зрѣнія на этотъ предметъ, съ которымъ, однако, неразрывно связаны

величайшіе государственные интересы и, можно сказать безъ преувеличенія, вся наша будущность и наша роль во всемірной исторіи. Вотъ потому-то я и думаю, что едва-ли наступило уже время спеціализировать изученіе той или другой стороны общиннаго землевладѣнія, оставляя въ сторонѣ и въ тѣни другія. Необходимо, какъ мнѣ кажется, сосредоточить всѣ силы науки и знанія на выясненіи тѣхъ преобразованій, какимъ должно подвергнуться общинное землевладѣніе, чтобы изъ обломка старины стать живительнымъ и благодатнымъ условіемъ дальнѣйшаго нашего развитія, а такое преобразованіе можетъ совершиться только законодательнымъ путемъ, именно устраненіемъ нѣкоторыхъ ошибочныхъ предпосылокъ, положенныхъ въ основаніе крестьянской реформы въ шестидесятыхъ годахъ, и правильной юридической постановкой общиннаго землевладѣнія. Слѣдуетъ этимъ спѣшить. Съ окончаніемъ выкупной операціи зло, растущее теперь не по днямъ, а по часамъ, будетъ уже непоправимо. На ошибки такого же рода, допущенныя въ Германіи, горько жаловался въ свое время знаменитый Нибуръ, но напрасно; и теперь Германія ими казнится. Авось либо мы, русскіе, будемъ счастливѣе, и нашъ голосъ будетъ услышанъ.

„Вотъ мысли, вызванныя во мнѣ вашимъ почтеннымъ трудомъ, которому, повторяю, я глубоко сочувствую и желаю отъ всего сердца возможно широкаго распространенія и успѣха, особливо въ средѣ вліятельныхъ читателей. Мои мимоходныя замѣчанія вызваны лишь извинительнымъ нетерпѣніемъ скорѣе увидать разъясненіе предмета, за который давно ломаю копье, какъ за священное знамя и палладіумъ Россіи въ настоящемъ и будущемъ.

„Примите и пр.

„К. Кавелинъ“.

Шестая глава II-й книги предлагаемаго сочиненія: „Семейная форма производства и мелкія формы предпріятій съ наемнымъ трудомъ“, написана тверскимъ статистикомъ В. И. Покровскимъ.

Мелкая промышленность съ наемнымъ трудомъ разсматривается въ настоящемъ сочиненіи одновременно съ семейной формой хозяйственнаго предпріятія,—то-есть, съ такой формой,

гдѣ средства труда принадлежатъ самимъ производителямъ,—потому что между этими двумя формами промышленныхъ предпріятій есть много общаго въ техническомъ, экономическомъ и соціальномъ отношеніяхъ. И это общее въ нихъ обусловливается тѣмъ, что оба эти вида хозяйственныхъ предпріятій представляютъ собою мелкое производство.

Приношу глубокую признательность В. И. Покровскому за оказанную имъ мнѣ помощь въ трудѣ.

Авторъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ОЧЕРКЪ

СОВРЕМЕННЫХЪ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ШКОЛЪ.

Опредѣленіе науки и причины ея поздняго возникновенія.—Дѣятельность человѣка и общества, направленная на пріобрѣтеніе и употребленіе матеріальныхъ средствъ для удовлетворенія потребностей, называется хозяйственною дѣятельностью. Насколько эта дѣятельность зависитъ онъ знанія силъ природы, она составляетъ предметъ техническихъ наукъ. Насколько она опредѣляется качествами человѣческой природы и общественными отношеніями, изслѣдованіе ея составляетъ задачу науки, получившей названіе политической экономіи.

Если подъ словомъ «наука» понимать систематическое изложеніе законовъ извѣстнаго рода явленій, то надо признать, что изслѣдованіе экономическихъ явленій достигаетъ научнаго значенія лишь во второй половинѣ XVIII столѣтія, именно у физіократовъ и Адама Смита.

Закономъ называется извѣстное постоянное отношеніе между явленіями, по которому одно явленіе, всякій разъ какъ мы его наблюдаемъ, встрѣчается вмѣстѣ съ другимъ явленіемъ, или предшествуетъ другому явленію, или слѣдуетъ за нимъ.

Естественно возникаетъ вопросъ о причинахъ столь поздняго возникновенія науки, касающейся такихъ близкихъ интересовъ человѣка и общества, какъ удовлетвореніе матеріальныхъ нуждъ. Эти причины видятъ: для классическаго міра и среднихъ вѣковъ въ ихъ экономической организаціи; для XVII и XVIII столѣтій, когда экономическіе вопросы впервые стали предметомъ оживленнаго обсужденія,—въ непра-

вильномъ пониманіи исходнаго пункта экономической науки—въ непра вильномъ *пониманіи* что̀ такое богатство.

Характеристическія черты экономической организаціи классическаго міра.—Краеугольнымъ камнемъ экономической организаціи классическаго міра было рабство. Рабовладѣльцы, составлявшіе значительно меньшую часть населенія, были вмѣстѣ съ тѣмъ землевладѣльцами. Число свободныхъ гражданъ, не имѣвшихъ ни земли, ни рабовъ, было очень не велико. Только въ концѣ существованія Римской республики начинаетъ развиваться поглощеніе большими имѣніями мелкихъ земельныхъ участковъ и образованіе пролетаріевъ въ средѣ свободныхъ гражданъ.

При такомъ распредѣленіи собственности и составѣ общественныхъ классовъ роль организаторовъ производства матеріальныхъ предметовъ принадлежала рабовладѣльцамъ. Каждый рабовладѣлецъ въ своемъ хозяйствѣ опредѣлялъ родъ и количество предметовъ производства, а также порядокъ работъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, волей рабовладѣльца устанавливался и размѣръ средствъ существованія рабочей массы населенія. Такимъ образомъ, двѣ важнѣйшія стороны экономической жизни: — производство и распредѣленіе — представлялись подчиненными власти, произволу, усмотрѣнію. Единственная хозяйственная область, открывавшая поле примѣненію начала свободнаго договора, при которомъ явленія представляются зависящими уже не отъ произвола и усмотрѣнія, а отъ различныхъ объективныхъ условій, область эта — обмѣнъ, внутренняя и внѣшняя торговля, — въ цвѣтущую эпоху классическаго міра ограничивалась лишь небольшимъ числомъ предметовъ, почти исключительно предметами роскоши, а потому и захватывала ничтожный процентъ населенія. Не играя главной роли въ государственной жизни, она мало обращала на себя вниманіе общества и мыслителей. Въ настоящее время вопросы обмѣна составляютъ одну изъ важнѣйшихъ заботъ правительствъ, предметъ самаго оживленнаго обсужденія и изслѣдованія со стороны прессы, науки, всѣхъ общественныхъ классовъ. И это понятно, ибо современное народное хозяйство есть всецѣло хозяйство мѣновое. Не только почти всѣ предметы производятся не для собственнаго потребленія, а для обмѣна, сама рабочая сила стала предметомъ купли-продажи. Обмѣнъ обусловливаетъ въ современномъ хозяйствѣ направленіе національнаго производства; ошибки въ условіяхъ обмѣна ведутъ за собой торговые и промышленные кризисы, разоренія, лишеніе сотенъ тысячъ людей заработка; отъ условій обмѣна зависитъ распредѣленіе произведенныхъ продуктовъ между классами рабочихъ, предпринимателей, денежныхъ и земельныхъ рантье. Ничего подобнаго не знало древнее общество. Древнее общество представляло собой совокупность частныхъ изолированныхъ хозяйствъ. Главная масса населенія, рабы, получала средства существованія не изъ продажи рабочей силы, и притомъ получала ихъ натурой. Такимъ образомъ, самая значительная по числу часть населенія страны стояла внѣ обмѣна. Да и другой господствующій слой населенія, рабовладѣльцы, большую часть своихъ потребностей удовлетворяли непосредственно трудомъ своихъ подданныхъ, и только незначительную часть произведенныхъ рабами продуктовъ отдавали въ обмѣнъ.

При такой экономической организаціи, когда не было тѣсной связи между отдѣльными хозяйствами, когда главная масса экономическихъ фактовъ казалось зависѣла единственно отъ воли организаторовъ хозяйства, явленія хозяйственной жизни представлялись слишкомъ простыми, очевидными, не требующими для выясненія ихъ никакой методической разработки.

Существовала еще другая причина, отвращавшая классическій міръ отъ изслѣдованія экономическихъ явленій, и источникомъ ея опять-таки была рабская организація труда. Въ цвѣтущую эпоху развитія философіи и литературы въ Греціи и Римѣ промышленный трудъ находился въ презрѣніи. Единственно достойными свободнаго гражданина занятіями считались: политика, наука, искусство и война. Хозяйственный трудъ лежалъ исключительно на рабахъ. Завѣдываніе и обработка полей, промыслы и торговля поручались рабамъ. При такомъ положеніи хозяйственнаго труда понятно, что и изслѣдованіе его явленій не считалось предметомъ, достойнымъ философа.

Греція и Римъ, передавшіе намъ въ наслѣдство поразительныя по глубинѣ мысли системы философіи и морали, системы политики и права, не представляютъ даже и попытки къ построенію теоріи экономическихъ явленій.

Экономическая организація въ средніе вѣка.—Народное хозяйство среднихъ вѣковъ имѣетъ много сходныхъ чертъ съ организаціей народнаго хозяйства въ античномъ мірѣ. Какъ въ древнемъ мірѣ, такъ и въ средніе вѣка, главное богатство составляетъ поземельная собственность. Люди раздѣлются на свободныхъ и несвободныхъ, и послѣдніе составляютъ главную массу населенія. Правда, состояніе несвободы въ средніе вѣка смягчается сравнительно съ положеніемъ ея въ древнемъ мірѣ. Рабство постепенно замѣняется болѣе мягкими и разнообразными формами крѣпостничества. Рабовладѣлецъ имѣетъ право собственности на личность человѣка, даже на его жизнь. Владѣлецъ крѣпостныхъ имѣетъ право собственности только на волю человѣка, на его дѣйствія. Слѣдовательно, область предметовъ собственности въ средніе вѣка съуживается. Но это различіе между правомъ собственности на человѣка при рабствѣ и при крѣпостной организаціи, имѣя весьма важное значеніе въ юридическомъ отношеніи, въ экономическомъ отношеніи совершенно не существенно.

Какъ рабовладѣлецъ, такъ и владѣлецъ крѣпостныхъ имѣютъ одинаковыя права на дѣйствія подвластныхъ имъ людей. Въ силу этой привилегіи феодальный собственникъ организуетъ хозяйство по своему усмотрѣнію, и подчиненныя ему трудовыя силы крѣпостныхъ производятъ всѣ требуемые имъ предметы необходимости, комфорта и даже роскоши. Какъ въ античномъ мірѣ, такъ и въ средніе вѣка, вести промышленное предпріятіе, добывать деньги торговлей, ссудами считалось для господствующихъ сословій — дворянства и духовенства — позорнымъ; и приличнымъ казалось извлекать доходы только съ земельной собственности. Такъ налагаютъ экономическія организаціи свою печать на понятія о чести.

Кромѣ высшаго класса поземельныхъ собственниковъ и подчиненныхъ имъ крѣпостныхъ, былъ въ средніе вѣка еще третій, средній классъ свободныхъ людей, сначала незначительный по своей численности, но, съ теченіемъ времени, особенно со времени крестовыхъ походовъ, постоянно увеличивавшійся. Одна часть этого класса людей занималась земледѣліемъ, исполняя въ пользу феодала, на землѣ котораго она жила, извѣстныя повинности. Другая же часть составляла городское сословіе. Организація труда и другія экономическія отношенія въ городахъ запечатлѣны были также характеромъ привилегіи, авторитета, подчиненія хозяйственныхъ явленій власти, традиціямъ, правиламъ. Только этотъ характеръ былъ выраженъ здѣсь въ формахъ, отличныхъ отъ порядковъ, существовавшихъ въ земледѣльческой промышленности. Промышленное городское сословіе раздѣлялось на два класса: высшій—хозяева предпріятій, называвшіеся цеховыми мастерами, и низшій — ремесленники. Но это раздѣленіе городскаго класса на высшій и низшій не имѣло кастическаго значенія. Ремесленникъ, при извѣстныхъ условіяхъ, опредѣленныхъ въ городскихъ статутахъ, переходилъ въ классъ цеховыхъ мастеровъ. Что касается самой организаціи труда, рода, количества и качества производимыхъ предметовъ, отношеній ремесленниковъ къ хозяевамъ, вознагражденія ремесленниковъ, цѣны продуктовъ—все это было опредѣлено цеховыми уставами. Такимъ образомъ, экономическія отношенія въ городахъ были столь же всецѣло подчинены власти, какъ и отношенія въ промышленности земледѣльческой; только въ городахъ эта власть истекала изъ статутовъ, а въ селахъ изъ традицій и воли феодальнаго собственника.

Господствующій характеръ городской промышленности былъ ремесленный. Предметы производились, главнымъ образомъ, по заказу; а если и для сбыта, то весьма опредѣленнаго и ограниченнаго небольшимъ райономъ. Какъ населеніе селъ, такъ равно и населеніе городовъ удовлетворяли свои потребности продуктами собственнаго труда. Обмѣнъ и торговля въ средніе вѣка были еще менѣе развиты, нежели въ античномъ мірѣ. И только послѣ крестовыхъ походовъ начинаетъ зарождаться торговля между верхне-итальянскими, южно-французскими, южно-германскими и Ганзейскаго союза городами. Въ началѣ XVI столѣтія торговое движеніе усиливается, благодаря открытію Америки и морскаго пути въ Остъ-Индію; экономическое и духовное развитіе изъ странъ, окружающихъ Средиземное море, распространяется на страны, прилегающія къ Атлантическому океану;—но это уже эпоха, когда средневѣковое «натуральное» хозяйство начинаетъ разлагаться и возникаютъ явленія, подготовляющія переходъ къ новому общественному строю.

Въ умственной сферѣ среднихъ вѣковъ господствовала исключительно теологія. На всѣ вопросы жизни смотрѣли черезъ теологическую призму. Обильный запасъ умственнаго богатства классическаго міра оставался почти-что неизвѣстнымъ варварскимъ вѣкамъ средней исторіи. Таково было умственное состояніе Европы вплоть до XVI столѣтія, когда въ европейскомъ обществѣ, вслѣдствіе возросшаго экономическаго благосостоянія городовъ и наплыва, по завоеваніи Византіи турками, греческихъ ученыхъ въ Западную Европу, начинаетъ распространяться изученіе классической литературы, а съ тѣмъ вмѣстѣ—умственная жизнь, просвѣщеніе, борьба съ теологіей.

Начало разрушенія средневѣковаго быта и поступательное развитіе общественныхъ элементовъ новой исторіи.—Разложеніе средневѣковаго быта и образованіе условій жизни, характеризующихъ XVI, XVII и XVIII столѣтія, были сильно ускорены великими открытіями и изобрѣтеніями. Открытіе Америки, морскаго пути въ Остъ-Индію и изобрѣтеніе компаса повели за собою океаническую торговлю, приливъ въ Европу драгоцѣнныхъ металловъ и учрежденіе колоній. Каждый изъ этихъ трехъ фактовъ имѣлъ многостороннее и громадной важности вліяніе на образованіе и быстрое поступательное развитіе новыхъ условій жизни.

Американскіе и Индійскіе товары вызвали новыя потребности и тѣмъ расширили обмѣнъ въ небывалыхъ до этого времени размѣрахъ. Вновь открытые обширные рынки для сбыта повели за собой развитіе производства въ крупныхъ размѣрахъ и связанное съ крупнымъ производствомъ раздѣленіе труда и усовершенствованіе техники, а это, въ свою очередь, повело за собою удешевленіе стоимости производства, бо̀льшую дешевизну товаровъ. Бо̀льшая дешевизна товаровъ ведетъ за собою новое расширеніе сбыта; расширяющійся сбытъ снова ведетъ къ большему увеличенію размѣровъ производства, раздѣленія труда и, такимъ образомъ, къ дальнѣйшей дешевизнѣ. По мѣрѣ же развитія торговли и крупнаго производства шли обогащеніе, просвѣщеніе и общественная сила промышленнаго и торговаго классовъ, пересоздавшихъ къ концу XVIII столѣтія экономическій и политическій строй сначала Франціи и Англіи, а въ XIX столѣтіи и всей Западной Европы.

Въ томъ же направленіи дѣйствовалъ и привозъ изъ Америки въ Европу благородныхъ металловъ. Онъ способствовалъ развитію обмѣна, накопленію движимаго богатства, переходу повинностей въ налоги, разложенію натуральнаго хозяйства въ денежное.

Накопленіе капиталовъ въ рукахъ торговаго класса шло особенно быстро вслѣдствіе громадныхъ барышей, извлекавшихся имъ изъ торговли съ колоніями. Эти громадные барыши были результатомъ грабежа колоній метрополіями. Въ основу торговой политики Испаніи, Франціи, Нидерландовъ и Англіи была положена самая безцеремонная эксплоатація колоній, вызвавшая наконецъ возстаніе и отдѣленіе сѣверныхъ американскихъ штатовъ отъ Англіи, а въ нынѣшнемъ столѣтіи — революцію и отдѣленіе испанскихъ колоній въ Южной Америкѣ.

Одновременно съ указаннымъ экономическимъ переворотомъ совершается переворотъ политическій, и характеръ этихъ переворотовъ одинъ и тотъ же. Оба они разлагаютъ средневѣковой аристократическій строй и расширяютъ область гражданскаго равенства какъ въ идеяхъ, такъ и въ законодательствѣ.

XV-ое столѣтіе есть время возникновенія абсолютизма и начала борьбы его съ ленной аристократіей. Какъ въ древнемъ мірѣ, такъ и въ исторіи европейскаго общества, абсолютизмъ развился первоначально изъ внутренней борьбы аристократическихъ родовъ. Онъ возникаетъ: въ Испаніи — при междуусобицахъ во время правленія дома Трастамаровъ; въ Германіи — со времени смутъ кулачнаго права; въ Англіи—въ продолженіе войны алой и бѣлой розъ; во Франціи—во время тяжелыхъ войнъ и борьбы партій при Карлѣ VII.

Возникающій абсолютизмъ, чувствуя еще свою слабость, ищетъ опоры въ демократическихъ слояхъ общества и находитъ ее въ городскихъ общинахъ, исконныхъ врагахъ ленной аристократіи. Городскія общины и королевская власть подаютъ другъ другу руки, и хотя медленно, но вѣрно, наносятъ ударъ за ударомъ ихъ общему врагу. При помощи средствъ, доставлямыхъ общинами, короли окружаютъ себя постоянными войсками, превышающими численностью войска враждебныхъ имъ аристократическихъ родовъ. Изобрѣтеніе же пороха является рѣшительнымъ ударомъ феодальной системѣ. Послѣ этого изобрѣтенія военная сила монархической власти усиливается въ такой степени, что въ состояніи привести въ исполненіе свое требованіе распущенія феодальными сеньорами ихъ войскъ.

Переходъ среднихъ вѣковъ къ новому времени сопровождается также смягченіемъ крѣпостной зависимости сельскаго населенія. Крѣпостное право переходить въ опредѣленную имущественную зависимость сельскаго населенія отъ господъ, выражающуюся въ платежѣ натуральныхъ рентъ и выполненіи установленныхъ службъ. Этотъ процессъ

смягченія крѣпостныхъ порядковъ начался прежде всего въ Италіи (XIII ст.), затѣмъ въ Англіи (XIV ст.), Испаніи и Франціи (XV ст.) и Германіи (начало XVIII ст.). Сообразно историческимъ особенностямъ этихъ странъ, главными иниціаторами уменьшенія крѣпостной зависимости являются въ нихъ различные элементы. Въ Италіи—города; въ Англіи — дворянство; въ Испаніи — монархическая власть и дворянство; во Франціи и Германіи—монархическая власть.

Изъ всѣхъ западно-европейскихъ государствъ во Франціи усиленіе монархической власти развивалось наиболѣе непрерывно и достигло самыхъ значительныхъ размѣровъ. А съ тѣмъ вмѣстѣ въ этой странѣ всего рѣшительнѣе падало значеніе аристократіи и расширялась область гражданскаго равенства.

Экономическая политика правительствъ съ половины 16-го до половины 18-го столѣтія.—Введеніе монархическою властью постоянныхъ войскъ и расширеніе сферы дѣятельности центральнаго правительства, направленной къ упроченію внутренняго порядка и защитѣ права на обширной территоріи, потребовало значительнаго увеличенія финансовыхъ средствъ. А такъ какъ источникомъ доходовъ государства служитъ имущество его подданныхъ, то, само собою, пришлось позаботиться о мѣрахъ, увеличивающихъ народное богатство.

Всѣ мысли, возбуждаемыя обычными житейскими дѣлами, ведутъ къ заключенію, что богатство заключается въ деньгахъ. Въ обыкновенной рѣчи, въ частныхъ хозяйствахъ богатство оцѣнивается на деньги. Понятіе богатства для частнаго хозяйства было перенесено въ описываемую нами эпоху на богатство цѣлой націи. Теперь отождествленіе богатства съ деньгами представляется крайней несообразностью. Но пониманіе несообразности подобнаго отождествленія могло явиться не раньше, пока умъ не свыкся съ особенными пріемами изслѣдованія экономическихъ феноменовъ, вошедшими въ обыкновенный образъ мыслей только благодаря вліянію Адама Смита и его комментаторовъ.

Прямымъ выводомъ изъ взгляда на деньги какъ на богатство было:— что чѣмъ болѣе въ странѣ золота или серебра, тѣмъ она богаче. И потому вся экономическая политика въ теченіе двухъ столѣтій, съ половины XVI до половины XVIII, была направлена на возможно большее накопленіе въ странѣ драгоцѣнныхъ металловъ. Если страна не имѣла своихъ рудниковъ, то надо было стараться привлечь возможно большее количество благородныхъ металловъ изъ другихъ странъ. Способы для этого: — война и торговля. Выгодной торговлей считалась такая, при которой вывозъ превышалъ ввозъ, вслѣдствіе чего излишекъ вывоза уплачивался звонкой монетой. Такое положеніе дѣла называлось благопріятнымъ торговымъ балансомъ.

Торговый балансъ сдѣлался центромъ, изъ котораго исходила вся

хозяйственная политика правительствъ и впервые возникавшей въ это время экономической литературы. Главными средствами для достиженія перевѣса вывоза надъ ввозомъ считались, во первыхъ, установленіе таможенныхъ тарифовъ на ввозимые изъ заграницы товары и назначеніе премій за вывозъ туземныхъ товаровъ; во вторыхъ, мѣры къ развитію, улучшенію и удешевленію внутренняго производства; въ третьихъ, учрежденіе и расширеніе колоній, подчиненныхъ обязательной и регламентированной торговлѣ съ метрополіей, къ выгодѣ послѣдней. Навигаціонный актъ Кромвеля можетъ служить типическимъ образчикомъ торговой политики метрополій въ отношеніи колоній. Этимъ актомъ запрещалось ввозить въ англійскія колоніи и вывозить изъ нихъ товары иначе, какъ на англійскихъ корабляхъ. Ни одно лицо, не состоящее англійскимъ подданнымъ, не могло быть купцомъ или мануфактуристомъ въ колоніяхъ. Никакой колоніальный продуктъ не могъ быть вывезенъ ни въ какое иное мѣсто кромѣ Англіи. Впослѣдствіи къ этому акту было сдѣлано прибавленіе, что колоніи не могутъ получать никакихъ продуктовъ иначе, какъ съ англійскихъ кораблей.

Въ области промышленности главное вниманіе правительствъ было обращено на городскую обрабатывающую промышленность, такъ какъ вывозъ готовыхъ товаровъ представлялся выгоднѣе вывоза сырья. Въ концѣ среднихъ вѣковъ цеховая организація, обнимавшая въ Германіи и Франціи всѣ городскіе промыслы, а въ Англіи промыслы городовъ съ корпоративными правами, пользовалась широкой автономіей. Городскіе статуты и статуты отдѣльныхъ цеховъ нормировали всѣ экономическія отношенія своихъ членовъ: — условія для полученія права быть мастеромъ, процессы производства, цѣны, заработную плату, число учениковъ и подмастерьевъ, обезпеченіе сиротъ и вдовъ, стариковъ и больныхъ. Въ Англіи и Франціи съ половины XVI, въ Германіи съ начала XVII столѣтія, автономія цеховой организаціи подвергается ограниченіямъ. Центральная власть, руководимая идеей торговаго баланса, стремится развить въ странѣ новыя отрасли промышленности, улучшить и удешевить производство существующихъ, и видитъ средство къ достиженію этой цѣли въ подчиненіи цеховъ правительственной регламентаціи и контролю. Руководительство экономической жизнью сверху, правительственная опека развиваются до мелочныхъ подробностей. Для развитія новыхъ отраслей промышленности призываются заграничные работники, выдаются привилегіи, установливаются монополіи. Рядомъ съ этимъ постепенно разростаются разрѣшенія устроивать мастерскія, не подчиненныя цеховымъ правиламъ, а только правительственной регламентаціи. Такія разрѣшенія вызывались стремленіемъ привлечь накопленные въ торговлѣ капиталы въ обработывающую промышленность, такъ какъ цеховая организація, ограничивавшая число подмастерьевъ и учениковъ, воспрещавшая одному и тому же лицу имѣть болѣе одной мастерской, дѣлала невозможнымъ большіе барыши. Капиталы, нажитые главнымъ образомъ торговлей, начинаютъ вливаться въ обрабатывающую промышленность и прежде всего въ три важнѣйшія по количеству сбыта отрасли производства: шерстяную, ткатскую и прядильную. Возникаетъ мануфактура. Возникаетъ та организація производства, которая, благодаря своей большей производительности, постепенно вытѣсняетъ цеховую, а съ тѣмъ вмѣстѣ ведетъ къ относительному уменьшенію числа хозяевъ промышленныхъ предпріятій, концентрированію въ рукахъ ихъ богатства, къ увеличенію имущественнаго неравенства между хозяевами и рабочими. Мануфактурой начинается переходъ отъ экономической организаціи, покоющейся на базисѣ мелкаго ремесленнаго производства, къ организаціи крупнаго производства, достигшей въ XIX столѣтіи въ Англіи господствующаго значенія, въ прочихъ континентальныхъ государствахъ Запада значительнаго развитія, и наложившей свою печать на всѣ стороны общественной жизни.

Самымъ типическимъ представителемъ экономической политики правительствъ въ описываемую нами эпоху служитъ дѣятельность знаменитаго министра Людовика XIV, Кольбера. Съ цѣлью поднять промышленность въ странѣ и увеличить вывозъ готовыхъ продуктовъ, Кольберъ подчинилъ ее всестороннему правительствованному регулированію и въ то же время оказывалъ энергическую поддержку вновь возникающей индустріи. Для основанія всякаго промышленнаго предпріятія требовалось разрѣшеніе власти; правительственные регламенты нормировали до мельчайшихъ подробностей процессы производства (матеріалъ, качество, величину, форму и проч.); готовые продукты подвергались осмотру чиновниковъ и за нарушеніе правилъ взыскивались штрафы. Эти бюрократическія предписанія, стѣснявшія индивидуальную свободу, часто нарушавшія имущественные интересы предпринимателей, вызывали живѣйшее противодѣйстіе. Подчиненные Кольбера жаловались, что не могутъ достигнуть выполненія предписаній. Кольберъ отвѣчалъ на это усиленіемъ размѣра штрафовъ и новой организаціей промышленнаго инспектората для цѣлаго королевства.

Кольберъ во многомъ достигъ того, къ чему стремился. Его управленіе есть блестящее время въ экономической исторіи Франціи. Но такое положеніе дѣлъ продолжалось лишь пока жилъ и дѣйствовалъ этотъ великій государственный человѣкъ. Та самая регламентація, посредствомъ которой Кольберъ далъ сильный толчекъ французской промышленности, сдѣлалась тормазомъ въ рукахъ его преемниковъ. Такова судьба всѣхъ бюрократическихъ мѣропріятій. Нужны были геній, знаніе жизни, практическій взглядъ, упорный трудъ и желѣзная воля Кольбера, чтобы бюрократическая политика достигла поставленныхъ себѣ цѣлей и дала благопріятные результаты.

Возникновеніе экономической литературы и ея характеръ.—Нужда абсолютизма въ увеличеніи государственныхъ доходовъ вызвала его заботы объ умноженіи національнаго богатства. Военныя и финансовыя дѣла обращаютъ на себя главное вниманіе правительствъ. Въ связи съ этимъ возникаетъ впервые экономическая литература. Главная тэма ея разсужденій — увеличеніе національнаго богатства, какъ источника финансовыхъ средствъ государства. Какъ практика, такъ и экономическая теорія видѣли богатство въ деньгахъ; мѣры, предлагавшіяся теоріей для увеличенія количества денегъ въ странѣ, были тѣ же, какія употреблялись практикой, и исходили изъ вышеупомянутаго представленія о благопріятномъ торговомъ балансѣ. Экономическая литература съ подобнымъ содержаніемъ господствовала въ теченіе двухъ столѣтій и называется меркантильной, вслѣдствіе обращенія ею исключительнаго вниманія на вопросы о деньгахъ и торговлѣ. Ограниченія, а потомъ и полное устраненіе меркантильной политики идутъ рука объ руку съ расширеніемъ внѣшней торговли, крупнаго производства и усиливавшимся значеніемъ промышленнаго и торговаго сословій.

Развитіе мануфактуръ есть важнѣйшій факторъ въ дѣлѣ возрастанія общественнаго значенія средняго сословія. — Быстрый ростъ соціональй силы промышленнаго и торговаго классовъ, обусловливавшійся возрастаніемъ въ этой средѣ богатства и просвѣщенія, составляетъ самое важное явленіе новѣйшей исторіи. Еще въ 1615 году, во время собранія генеральныхъ штатовъ во Франціи, дворянство жаловалось королю на оскорбленіе, нанесенное ему представителями третьяго сословія, осмѣлившимися назвать себя младшими братьями дворянства и духовенства. «Мы не хотимъ,— говорилось въ жалобѣ, чтобы сыновья сапожниковъ называли насъ братьями; между нами и ими такое же различіе, какое между господами и слугами». А спустя сто восемьдесятъ четыре года третье сословіе сдѣлалось по пророческой формулѣ Сіэйса «всѣмъ». Оно стало господствующимъ въ Англіи и Франціи и на развалинахъ сословной монархіи создало новый соціальный строй, сообразный его интересамъ. За Англіей и Франціей шли въ томъ же направленіи и другія государства западной Европы.

Ростъ мануфактуръ и постоянно расширяющійся обмѣнъ были главными источниками умножающагося богатства средняго класса.

Быстрому развитію и процвѣтанію мануфактуръ много способствовалъ также начавшійся съ XVI столѣтія переворотъ въ сельской промышленности и поземельныхъ отношеніяхъ. Переворотъ этотъ заключался въ измѣненіи системы сельскаго хозяйства, которое было вызвано, во-первыхъ, уничтоженіемъ въ Англіи и Франціи барщины и, во-вторыхъ, появленіемъ шерстяныхъ мануфактуръ. Уничтоженіе барщины влекло за собой уменьшеніе сельскаго населенія, сильнѣйшее расширеніе обмѣна, отдѣленіе обработывающей промышленности отъ добывающей, города отъ деревни. Тѣ же послѣдствія вызывали и развивавшіяся въ Англіи, Франціи, Италіи, Фландріи шерстяныя мануфактуры. Онѣ предъявляли спросъ на шерсть; цѣна на послѣднюю поднялась, и лозунгомъ тогдашняго дворянства стало обращеніе пашней въ пастбища; для чего потребовалось отбирать землю у крестьянъ. Новый толчокъ процессу экспропріаціи земли у крестьянъ былъ данъ реформаціей, сопровождавшейся конфискаціею церковныхъ земель. Новые собственники этихъ земель прогоняли съ нихъ цѣлыми массами крестьянскія семейства, жившія здѣсь испоконъ вѣку на правѣ феодальнаго владѣнія землей. Съ отобраніемъ у церквей и монастырей громадныхъ земельныхъ имуществъ рушилась господствовавшая система призрѣнія бѣдныхъ духовенствомъ, преимущественно монастырями. Экспропріація земли у крестьянъ, эта бѣдственная для народа операція, общая всѣмъ западноевропейскимъ государствамъ, имѣла самое обширное и продолжительное (слишкомъ три столѣтія) примѣненіе въ Великобританіи. Она создала нынѣшнюю концентрацію земельной собственности въ этой странѣ. Если въ современной Франціи четверть населенія принадлежитъ къ классу земельныхъ собственниковъ, то это случилось только вслѣдствіе перехода въ эпоху революціи 1793 года значительнаго количества земли эмигрировавшаго дворянства и духовенства въ руки народа. Концентрація земельной собственности въ Германіи не одинакова по различнымъ государствамъ и областямъ; и это находится въ связи съ характеромъ отношеній верховной власти къ дворянству. Бранденбурги въ Пруссіи дѣйствовали всего рѣшительнѣе въ интересахъ крестьянъ и ограничивали право дворянства лишать ихъ исконнаго права владѣнія землею.

Лишенные земель крестьяне должны были искать средствъ существованія продажей своей рабочей силы. Городское населеніе быстро возрастаетъ. Цеховая организація, представлявшая для работника больше выгодъ сравнительно съ мануфактурой, не могла, при существовавшемъ размѣрѣ капитала и сбыта, поглощать непрерывно приливающее изъ селъ населеніе. Не нашедшіе работы въ цехахъ вынуждены были продавать свою рабочую силу мануфактурамъ. Мануфактурамъ былъ какъ нельзя болѣе выгоденъ этотъ наплывъ свободныхъ рабочихъ рукъ. Онъ давалъ имъ возможность понижать заработную плату, удлинять рабочій день и расширять производство соотвѣтственно размѣрамъ наличнаго капитала; все это вмѣстѣ способствовало накопленію богатства, а отсюда и возрастанію значенія промышленнаго сословія.

Въ какихъ обширныхъ размѣрахъ совершалась экспропріація, видно изъ того, что создаваемый ею пролетаріатъ не успѣвалъ быть поглощаемъ не только цехами, но и мануфактурами, не смотря на быстрый ростъ послѣднихъ. Экспропріированные, не имѣя возможности продать

свою рабочую силу, обращались въ нищихъ, разбойниковъ, бродягъ. Въ теченіе всего XVI столѣтія мы видимъ во всей западной Европѣ драконовскіе законы противъ бродяжничества (плеть, клейменіе, отрѣзываніе ушей, смертная казнь при поимкѣ въ третій разъ). Предполагалось, что всѣ эти нищіе и бродяги шатаются не потому, что не могутъ найти работу вслѣдствіе измѣнившихся экономическихъ условій, а не желаютъ работать.

Борьба мануфактуръ съ цеховой организаціей.—Съ расширеніемъ производства удешевляется созданіе продуктовъ, а потому мануфактуры явились серьезными конкуррентами цеховымъ мастерскимъ. Начинается борьба между старымъ цеховымъ устройствомъ и новыми промышленными предпріятіями. Но всѣ усилія цеховыхъ мастеровъ остановить и измѣнить естественное теченіе дѣлъ, обращенія ихъ къ правительствамъ за помощью были тщетны. Правительства сочувствовали развитію и процвѣтанію мануфактуръ, видя въ нихъ прогрессъ національной промышленности, источникъ для увеличенія государственныхъ доходовъ. По мѣрѣ развитія мануфактуръ раздѣленіе труда въ производительныхъ операціяхъ выступаетъ все больше и больше; а съ тѣмъ вмѣстѣ рождается спросъ на техническія открытія, и послѣднія не медлятъ своимъ появленіемъ. Техническія открытія, въ свою очередь, оказали громадное вліяніе на ростъ отраслей промышленности, захваченныхъ мануфактурами, и сдѣлали ихъ еще болѣе опасными конкуррентами цеховъ, не могшихъ, частью вслѣдствіе регламентаціи, частью по недостатку требуемаго капитала, воспользоваться многими изъ изобрѣтеній. Это движеніе мануфактуръ шло рука объ руку съ успѣхами внѣшней торговли.

Правительственная опека надъ всѣми отраслями общественной дѣятельности, въ томъ числѣ и надъ хозяйственной, составляла, какъ мы видѣли, характеристическую черту государственной жизни XVI, XVII и XVIII столѣтій. Мануфактуры не были изъятіемъ изъ общаго порядка, хотя и дѣйствовали свободнѣе цеховъ. Цеховая организація соотвѣтствовала интересамъ мелкихъ хозяевъ, такъ какъ устраняла конкурренцію производства въ большихъ размѣрахъ; развивавшаяся же крупная промышленность чувствовала стѣсненія отъ вмѣшательства государства въ экономическую жизнь. И самое большое стѣсненіе заключалось въ недоступности для ней, по закону, многихъ отраслей производства. Далѣе—въ постановленіи держать на каждаго подмастерья только извѣстное число учениковъ и простыхъ рабочихъ, что увеличивало издержки производства, такъ какъ развивавшееся раздѣленіе труда открывало возможность замѣнять подмастерьевъ менѣе искусными и потому дешевле оплачиваемыми рабочими. Сверхъ того, опредѣлявшіяся властями размѣры заработной платы и длины рабочаго дня были обыкновенно выше тѣхъ,

какіе, при свободномъ договорѣ, могли установить хозяева мануфактуръ, вслѣдствіе наплыва изъ селъ простыхъ рабочихъ. Эти и многія другія ограниченія экономической свободы задерживали полный ходъ крупной промышленности, нарушали и другіе ея интересы. Ея потребностью была свобода производства и отсутствіе всякаго законодательнаго вмѣшательства въ контрактъ между трудомъ и капиталомъ. Ея лозунгомъ становится уничтоженіе цеховъ и отмѣна промышленныхъ регламентацій. И этотъ лозунгъ, по мѣрѣ развитія мануфактуръ и раскрытія ими своихъ производительныхъ преимуществъ, проникаетъ въ литературу и общественное сознаніе. Законодательства постепенно расширяютъ отрасли производства, доступныя мануфактурѣ.

Цеховая организація становится предметомъ нападокъ и по другимъ причинамъ. Съ расширеніемъ въ XVI столѣтіи обмѣна, а также вслѣдствіе совершившейся эмиграціи сельскаго населенія въ города, размѣры цеховыхъ мастерскихъ увеличивались. Слѣдовательно, возрасталъ размѣръ капитала, нужнаго для основанія мастерской. По мѣрѣ развитія этого явленія рушатся всѣ свѣтлыя стороны цеховой организаціи. Исчезаютъ прежнія добрыя, чисто семейныя отношенія между хозяиномъ и его подмастерьями и учениками. Состояніе мастера перестаетъ быть той соціальной ступенью, которой, при усердіи и добромъ поведеніи, достигалъ всякій. Сдѣлаться мастеромъ становится привилегіей богатыхъ семействъ. Происходитъ обособленіе рабочихъ. Рабочіе дѣлаются *постоянным*ъ классомъ. Устанавливается антагонизмъ между хозяевами и работниками. Восемнадцатое столѣтіе называютъ «вѣкомъ стачекъ». Рядомъ со стачками постоянныя жалобы рабочихъ властямъ на злоупотребленія хозяевъ. Рабочіе становятся врагами цеховой организаціи.

Экспропріація земли у крестьянъ создаетъ новую и весьма важную отрицательную сторону цеховъ. Эмигрирующее изъ селъ въ города населеніе не поглощалось всецѣло цехами. А кто не приписанъ къ цеху, не имѣлъ права заниматься какимъ бы то ни было ремесломъ. Нарушеніе этого закона сопровождалось уголовными наказаніями. Привилегія права на трудъ, не вызывавшая диссонансовъ при цеховой организаціи въ средніе вѣка, когда, при незначительности городскаго населенія, каждый былъ членомъ какого либо цеха, становится, при измѣнившихся условіяхъ, нарушеніемъ самаго естественнаго человѣческаго права. Предъ правительствами выступаетъ настоятельная необходимость организовать призрѣніе массъ населенія, лишенныхъ средствъ существованія и не могущихъ, по измѣнившимся экономическимъ условіямъ, найти работу. Появляется законодательство о призрѣніи здоровыхъ работниковъ, не могущихъ найти себѣ занятіе.

Жалобы на цехи и требованія ихъ реформированія не прерываются съ начала XVII столѣтія вплоть до уничтоженія цеховой организаціи.

Законодательство Кольбера во Франціи, Елизаветы въ Англіи, эдикты великаго курфюрста отъ 1686 и 1688 гг. въ Пруссіи были отвѣтомъ на эти требованія. Эти законы расширяютъ просторъ развитію мануфактуръ, усиливаютъ вмѣшательство власти въ цеховые порядки, ограничиваютъ привилегіи на трудъ.

Зарожденіе и развитіе идеи объ экономической свободѣ.— Неурядицы цеховой организаціи и бюрократической регламентаціи промышленности, безчисленныя стѣсненія внутренней и внѣшней торговли, нарушавшія интересы торговаго класса, зарождаютъ идею объ экономической свободѣ, о невмѣшательствѣ государства въ хозяйственную дѣятельность. Развитіе этой идеи идетъ параллельно съ ростомъ крупной промышленности и торговли, увеличивавшимъ богатство и соціальное значеніе класса, въ интересахъ котораго было осуществленіе этой идеи.

Англія ранѣе другихъ странъ развила свои мануфактуры. Къ концу XVII вѣка крупное производство заняло въ ней уже видное мѣсто. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для большинства продуктовъ британской промышленности сдѣлалась не страшна иностранная конкурренція. Господствовавшая же во всей Европѣ меркантильная система мѣшала англичанамъ завоевать рынки путемъ свободной конкурренціи. Англійская литература выступаетъ первая съ рѣшительной, обнимающей всѣ отрасли хозяйственной дѣятельности формулировкой идей экономической свободы. Первымъ самымъ яркимъ представителемъ новыхъ промышленныхъ интересовъ слѣдуетъ признать Дедлея Норта. Книга его явилась въ 1691 году и озаглавлена: «Discourses upon Trade principally directed to the Cases of the Interest, Coinage, Clipping, increase of Money». Нортъ совершенно свободенъ отъ меркантильныхъ идей и объявляетъ всякое правительственное вмѣшательство вреднымъ для экономической дѣятельности народа. Въ этомъ отношеніи онъ, по справедливости, можетъ считаться первымъ рѣшительнымъ фритредеромъ и предшественникомъ Адама Смита. Приведемъ нѣкоторыя резюме самого автора:

«Весь свѣтъ относительно торговли составляетъ какъ бы одну націю или народъ, а всѣ остальныя націи—все равно какъ индивиды одного народа.

«Потеря торговли одной націей не составляетъ несчастіе только для нея одной, но для всего свѣта, ибо всѣ націи соединены вмѣстѣ общими интересами.

«Не можетъ существовать торговли невыгодной для народа, ибо если бы таковая оказалась, люди ее оставили бы; а гдѣ промышленники преуспѣваютъ, тамъ и народъ, котораго они составляютъ часть, также преуспѣваетъ.

«Нельзя людей принуждать къ дѣятельности по предписанному образцу; это можетъ принести, пожалуй, выгоду кому нибудь, но народъ черезъ это ничего не пріобрѣтаетъ, ибо что дается одному подданному, то берется у другаго.

«Никакіе правительственные законы не могутъ опредѣлять цѣнъ въ торговлѣ; послѣднія должны устанавливаться сами. А если такіе законы существуютъ, то составляютъ для торговли большую помѣху и заслуживаютъ осужденія» и т. д. Нортъ заканчиваетъ свою книгу слѣдующими замѣчательными словами:

«Ни одинъ народъ не разбогатѣлъ черезъ государственныя мѣропріятія; но только миръ, трудолюбіе и свобода создали торговлю и богатство».

Весь періодъ времени до появленія книги Адама Смита можно назвать переходнымъ; старыя меркантильныя понятія имѣли еще значительное приложеніе на практикѣ и находили себѣ представителей въ теоріи; новыя воззрѣнія, впервые рѣшительно заявленныя Нортомъ, все болѣе разрабатывались и распространялись, хотя еще не сдѣлались господствующими *). Самыми крупными представителями новыхъ воззрѣній въ Англіи въ эту переходную эпоху являются Давидъ Юмъ, Джосуа Токкеръ и Адамъ Фергюсонъ. Основный характеръ воззрѣній этихъ писателей заключается въ апологіи расширявшейся тогда индустріи и торговли и въ порицаніи всякаго вмѣшательства государства въ экономическую жизнь общества, всякихъ препонъ частной дѣятельности въ торговлѣ и промышленности. Считая увеличеніе абсолютнаго богатства страны тождественнымъ съ умноженіемъ народнаго благосостоянія, они, съ самыми лучшими намѣреніями, защищали все, что, по ихъ мнѣнію, вело къ процвѣтанію торговли и промышленности, и важнѣйшее условіе такого процвѣтанія видѣли въ устраненіи регламентаціи экономической дѣятельности. Токкеръ опровергаетъ, какъ предразсудокъ, что бѣдныя націи будто бы естественные враги богатыхъ націй. «Такъ какъ бѣдныя страны, — говоритъ онъ, — не могутъ конкурировать съ богатыми по не достатку капитала и искусства, то имъ выгоднѣе заниматься производствомъ сырыхъ продуктовъ, а богатымъ націямъ предоставить мануфактуру. Между народами не существуетъ никакого антагонизма интересовъ, а, напротивъ, господствуютъ согласіе, гармонія».

«Интересы отдѣльныхъ лицъ, — по мнѣнію Фергюсона — весьма хорошо гармонируютъ съ интересами государства: чѣмъ болѣе отдѣльные

---

*) *Примѣч.* Книга проф. Янжула. „Англійская свободная торговля“ представляетъ самый полный и обстоятельный трудъ по исторіи экономическихъ идей въ Англіи.

классы, особенно промышленный, пріобрѣтаютъ, тѣмъ болѣе возвышается національное богатство, которое состоитъ не въ наличныхъ деньгахъ, а въ совокупности всѣхъ полезныхъ и употребительныхъ вещей, которыя находятся въ собственности у гражданъ». Фергюсонъ защищаетъ принципъ свободной экономической дѣятельности почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, въ какихъ позднѣе защищалъ ее и Адамъ Смитъ. «Торговля, — говоритъ онъ, — есть такой родъ промышленности, гдѣ люди, предоставленные дѣйствію ихъ собственнаго опыта, менѣе всего способны вступить на не правый путь».

Англія и Франція, до настоящаго времени, шли, по пути накопленія матеріальныхъ и умственныхъ богатствъ, впереди другихъ государствъ и своимъ историческимъ ходомъ развитія оказывали значительное вліяніе на другія страны. Новыя экономическія теченія, которыя мы видѣли въ Англіи, имѣли мѣсто и во Франціи, но достигли здѣсь своей зрѣлости позднѣе, а потому и идеи свободной торговли и промышленности являются во Франціи лишь спустя 60 лѣтъ послѣ появленія ихъ въ Англіи.

Идея объ устраненіи вмѣшательства государства въ экономическую жизнь и о водвореніи свободы торговли и промышленности была провозглашена во Франціи одновременно нѣсколькими мыслителями, составлявшими тѣсно сплоченный кружокъ, центромъ котораго былъ Кене, докторъ Людовика XV. Этотъ кружокъ раздѣлялъ доктрины распространившейся тогда въ Европѣ раціоналистической философіи.

Раціоналистическая философія есть величайшее явленіе какъ въ умственной области, такъ и въ практической. Появленіе ея означаетъ освобожденіе человѣческаго ума отъ теологическихъ и традиціонныхъ нравственныхъ оковъ. Это освобожденіе, начавшееся въ греческой философіи и перенесенное изъ Греціи въ Римъ, было прервано умственнымъ и общественнымъ состояніемъ среднихъ вѣковъ.

Какъ въ теологіи раціоналистическая философія противопоставила авторитету разумъ, такъ точно въ области общественныхъ отношеній она противопоставила разумъ исторически сложившимся порядкамъ и правамъ. Только такіе порядки, только тѣ права признавала эта философія, которые могутъ быть признаны разумными, ведутъ къ общему благу, или, по крайней мѣрѣ, къ благу большинства. Единственный соціальный порядокъ вещей, могущій, по ученію раціоналистической философіи, осуществить возможно большое благо, есть такой, въ которомъ предоставлена полная свобода проявленіямъ человѣческой природы. Природа человѣка противопоставлялась искуственности всего общественнаго быта, какъ самородный, неизсякаемый источникъ разума и всякаго блага. «Все прекрасно, — говорилъ вліятельнѣйшій писатель XVIII вѣка Ж. Ж. Руссо,—что исходитъ изъ рукъ Творца, все искажается въ рукахъ человѣка». Кондорсе училъ, что если бы человѣкъ повиновался законамъ природы, то нельзя было бы положить границъ развитію его благоденствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, природа человѣка предполагалась у всѣхъ одинаковой и неизмѣнной.

Школа физіократовъ.—Изъ этихъ исходныхъ принциповъ логически вытекало основное положеніе возникшей тогда во Франціи, подъ именемъ физіократовъ, экономической школы, что для соціальной жизни данъ «неизмѣнною» природою человѣка и ея отношеніями къ внѣшнему міру такой же «естественный» порядокъ вещей, стоящій внѣ условій времени и пространства, какой существуетъ для физической природы. Государственные законы, соціальная жизнь должны быть только выраженіемъ этого естественнаго порядка. Задача экономической науки состоитъ въ разъясненіи «абсолютнаго» порядка, установленнаго природою для человѣческаго общества. Эта школа изслѣдователей «естественнаго», «абсолютнаго» порядка вещей,— названная поэтому физіократической, отъ φύσις (природа) и κρατεω (господство), — первая дала наукѣ о хозяйственныхъ отношеніяхъ названіе политической экономіи.

По ученію физіократовъ, первый естественный законъ и несомнѣнное естественное право каждаго человѣка есть стремленіе къ наслажденію жизнью. Средства же для осуществленія этого стремленія пріобрѣтаются трудомъ. А потому, на государствѣ лежитъ обязанность открыть каждому человѣку свободный доступъ къ любому занятію. Государство должно объявить свободу труда и обезпечить собственность, какъ результатъ труда. Далѣе, такъ какъ каждый знаетъ свои интересы лучше всякаго другаго и оградить ихъ умѣетъ наилучше собственными силами, то въ народномъ хозяйствѣ должна господствовать свободная конкурренція. Только при такомъ порядкѣ достигается всего полнѣе благосостояніе какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлаго народа, такъ какъ человѣкъ, руководимый своею личною выгодою, будетъ дѣйствовать въ то же время и для блага общества. Одинъ изъ представителей этой школы, Гурнэ, обращаясь къ королевскимъ министрамъ, говорилъ: «наилучшее, что вы можете сдѣлать для поднятія народнаго хозяйства, это предоставить людямъ полную свободу въ ихъ экономическихъ отношеніяхъ (laissez faire, laissez passer)». Идеалъ физіократовъ заключался въ полной свободѣ самоопредѣленія личности. За государствомъ оставлялась только одна отрицательная функція: охраненіе права отъ нарушеній.

Уже въ этихъ основныхъ положеніяхъ физіократовъ вполнѣ высказалось требованіе радикальнаго измѣненія всего соціальнаго строя. На всю предшествовавшую исторію человѣчества, равно какъ и на современный имъ порядокъ вещей они смотрѣли какъ на невѣжество въ отношеніи законовъ природы и эксплуатацію высшими классами низшихъ.

Главными представителями физіократическихъ ученій были: Кенэ, издавшій въ 1758 г. знаменитый «Tableau économique» и напечатавшій нѣсколько статей въ энциклопедіи Дидро; Мирабо (Ami des hommes, 1756; Philosophie rurale, 1763); Мерсье де-ла Ривьеръ (L'ordre naturel, 1767); Дюпонъ де-Немуръ (Phisiocrasie, 1768); и славный министръ финансовъ при Людовикѣ XVI, Тюрго (Rèflexions sur la formation et la distribution des richesses, 1766).

Такъ какъ изъ ученія физіократовъ объ экомической свободѣ логически вытекало требованіе уничтоженія всѣхъ экономическихъ привилегій и, между прочимъ, уничтоженія цеховъ и остатковъ феодальныхъ отношеній въ поземельной собственности, то это ученіе получило политическій характеръ. Въ то же время, политическія теоріи французскихъ писателей, выставившія на своемъ знамени политическую свободу и равенство правъ гражданъ (слѣдовательно уничтоженіе привилегій), тѣмъ самымъ затрогивали экономическій порядокъ вещей. Такимъ образомъ, экономическія и политическія реформаторскія идеи взаимно переплетались *). Экономическій и политическій порядокъ сдѣлались предметомъ возбужденной литературной борьбы. Самымъ могучимъ представителемъ политическихъ идей этой эпохи былъ Руссо. Нѣтъ имени, которое въ то время сіяло бы болѣе яркимъ свѣтомъ, чѣмъ имя женевскаго гражданина Жанъ-Жака Руссо, и нѣтъ сочиненій, которыя въ большей мѣрѣ были бы почитаемы тогда новымъ Евангеліемъ, чѣмъ сочиненія Руссо... Кто знаетъ сочиненія Руссо, тотъ имѣетъ ключъ къ къ государственной теоріи французской революціи. Огненною рѣчью громилъ Руссо обветшалые принципы средне-вѣковой эпохи и провозглашалъ новыя формы государственной жизни. Сочиненія его представляли страстный памфлетъ противъ существовавшаго общественнаго порядка, вдохновлявшій сердца и воспламенявшій умы. Въ основѣ всѣхъ воззрѣній и требованій Руссо лежитъ стремленіе осуществить верховную власть народа, свободу и равенство гражданъ. Противъ іерархическаго государственнаго ученія и историческихъ правъ онъ выста-

*) *Примѣч.* Причину отсутствія прямыхъ политическихъ тенденцій у англійскихъ экономистовъ новой школы XVIII столѣтія слѣдуетъ видѣть, по нашему мнѣнію, въ томъ, что Англія уже давно пользовалась широкою политическою свободою, а богатая часть средняго сословія правомъ представительства. Во Франціи XVIII вѣка среднее сословіе богатствомъ и образованіемъ опередило привилегированные классы: дворянство и духовенство; между тѣмъ, юридически, по закону, оно пользовалось самыми ничтожными политическими правами. Эту мысль и высказалъ за годъ передъ французскою революціею Сіэйсъ въ своей знаменитой пророческой формулѣ: „Что такое третье сословіе? Все. Чѣмъ оно было до сихъ поръ? Ничѣмъ. Чего требуетъ оно? Быть чѣмъ нибудь“.

Лассаль мѣтко замѣчаетъ, что французская революція перенесла на бумагу то, что совершилось въ дѣйствительности.

вилъ ученіе объ естественныхъ правахъ и общественномъ договорѣ. Его идеалъ государственной формы была первобытная германская форма, которая осуществилась въ Швейцаріи и Америкѣ. Его не смущала пропасть, существовавшая между его идеями и дѣйствительнымъ положеніемъ всѣхъ большихъ европейскихъ государствъ. Онъ видѣлъ, что скорое будущее измѣнитъ настоящее.

Осуществленіе идей физіократовъ французской революціей. — Ученіе физіократовъ и Руссо стали дѣломъ во французскую революцію. Революціонное законодательство вѣрило, что осуществить идеи свободы, равенства и общаго матеріальнаго благосостоянія путемъ отмѣны юридическихъ привилегій и установленіемъ равенства всѣхъ передъ закономъ, учрежденіемъ республиканской формы правленія, покоющейся на принципѣ верховныхъ правъ народа, установленіемъ возможно широкой политической свободы, объявленіемъ свободы труда, торговли, собственности. Стремленія и вѣрованія эти не существились въ томъ широкомъ размѣрѣ, какого ожидали писатели XVIII вѣка и дѣятели революціи, и въ дальнѣйшемъ изложеніи выяснятся причины этого несоотвѣтствія дѣйствительности ожиданіямъ.

Ученіе физіократовъ и политическое движеніе, во главѣ котораго стоялъ Руссо, осуществились скоро и рѣшительно, потому что требуемыя измѣнившимися условіями жизни реформы соотвѣтствовали интересамъ средняго сословія, получившаго въ XVIII вѣкѣ во Франціи и Англіи сильнѣйшее вліяніе на общественныя дѣла. Вслѣдствіе особенностей экономической и политической исторіи Англіи, промышленный и торговый классы въ этой странѣ уже въ XVII столѣтіи соперничали съ аристократіей во вліяніи на государственныя дѣла. Во Франціи же среднее сословіе начинаетъ уравниваться съ аристократіей только со времени Людовика XIV.

Исторіографъ этого сословія, Огюстенъ Тьери, считаетъ замѣчательнѣйшимъ дѣломъ эпохи Людовика XIV сближеніе и смѣшеніе сословій. Среднія сословія по внѣшности и нравамъ стали наравнѣ съ высшими. Замкнутость дворянства рушилась: оно стало служить при дворѣ и въ войскѣ, хотя въ обоихъ случаяхъ почести и заслуги основаны были не на рожденіи, а на личныхъ достоинствахъ. Маршалы, изъ какого бы они ни были сословія, стояли выше герцоговъ; министры, вышедшіе изъ третьяго сословія, признавали выше себя только принцевъ крови; жены ихъ приглашались къ королевскому столу. Производство въ арміи основано было не на происхожденіи, а на очереди: по старшинству, либо за дѣйствительное отличіе по службѣ. Лица средняго класса, благодаря своему образованію и способностямъ, занимали высшія правительственныя мѣста и оказывали вліяніе на ходъ дѣлъ. Saint-Simon въ своихъ мемуарахъ называетъ царствованіе Людовика XIV царство-

ваніемъ подлой буржуазіи, — слова, имѣющія глубокій смыслъ и доказывающія переворотъ, случившійся со времени Ришелье и Фронды. По мѣрѣ того, какъ низводилось дворянство, возвышалось вліяніе среднихъ классовъ. Отъ нихъ исходило матеріальное и умственное развитіе. Вмѣстѣ съ возрастающимъ ихъ вліяніемъ росло и довѣріе къ нимъ. Явленіе это поразило моралиста того времени, Лабрюэра, который постоянно повторялъ, что, между тѣмъ, какъ работа кипитъ въ рукахъ дѣятельныхъ низшихъ сословій, высшее дворянство погружается все болѣе въ лѣнивую дремоту. Почти всѣ министры той эпохи, многія знаменитости на военномъ поприщѣ, а на ученомъ и литературномъ рѣшительно всѣ, за исключеніемъ трехъ, вышли изъ буржуазіи: Корнель, Паскаль, Мольеръ, Расинъ, Лафонтенъ, Буало, Боссюетъ, Бурдалу, Флешье, Массильонъ, Лабрюэръ, Арно, Николь, Дама; артисты: Пуссенъ, Лезюеръ, Лорренъ, Шампань, Лебренъ, Пюже. Три имени составляютъ исключеніе: Фенелонъ, Ларошфуко и М-те де-Севинье. Развитіе философіи, литературы и искусствъ имѣло непосредственное вліяніе на измѣненіе нравовъ. Образованные люди, какого бы они ни были происхожденія, получили доступъ въ верхніе слои общества и перестали играть въ нихъ роль слугъ, покровительствуемыхъ вельможами. Предметы разговоровъ въ гостиныхъ стали болѣе серьезнаго содержанія, и, такимъ образомъ, явилось новое средство для распространенія мыслей, столь же могущественное, какъ и книги. Словомъ, обогатившаяся и просвѣтившаяся буржуазія получила и въ свѣтскомъ мірѣ такое же вліяніе, какъ и въ правительственныхъ сферахъ. И это вліяніе ея, вмѣстѣ съ быстро возраставшими во второй половинѣ XVIII вѣка измѣненіями въ ея интересахъ экономическихъ явленій и распространеніемъ просвѣщенія, непрерывно усиливалось и, наконецъ, совершивъ революцію 1789 года, сдѣлалось господствующимъ.

Рядомъ съ явленіями внутренней жизни Франціи, порождавшими и развивавшими идеи свободы и гражданскаго равенства, на распространеніе и укрѣпленіе этихъ идей оказывали также большое вліяніе конституціи Англіи и Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Вліяніе государственнаго устройства Англіи на политическія идеи Франціи выразилось всего ярче въ сочиненіяхъ Монтескьё. Вліяніе же Американскихъ Штатовъ имѣло своимъ самымъ крупнымъ представителемъ Руссо.

Пуритане, проникнутые демократическими идеями, создали въ новой ихъ родинѣ, Америкѣ, не бывалый еще государственный строй. Ни древность, ни преданія, ни исторически сложившіяся права не стѣсняли ихъ при организаціи общественнаго порядка. Аристократія и іерархія были оставлены въ Европѣ. Не было рѣчи ни о различіи сословій, ни о различныхъ правахъ, Не ошиблись переселенцы, когда высказывали

что своими республиканскими порядками они подадутъ примѣръ для всѣхъ народовъ. Особенно сильно вліяніе Американскихъ Штатовъ на Европу было въ эпоху борьбы ихъ за независимость, кончившейся отпаденіемъ колоній отъ метрополіи. Хотя сначала, при первомъ взрывѣ революціи противъ метрополіи, американцы и ссылались еще на привилегіи, данныя имъ при переселеніи, или на установившіеся обычаи и хотѣли защищать ихъ какъ право, законнымъ образомъ пріобрѣтенное, но вскорѣ они бросили это основаніе и обратились къ «естественному праву и общимъ принципамъ свободы», изложеннымъ въ американской декларації правъ (1776 г.). Введя всеобщее право выбора, одинаковое для всѣхъ членовъ государства, какъ равно заинтересованныхъ въ управленіи государствомъ, американцы провозглашали основной демократическій принципъ: верховность народной воли, выраженной въ законѣ.

Американской конституціей и французской революціей были положены новыя основы соціальнаго строя. На мѣсто юридическихъ привилегій во главу новаго зданія государственнаго устройства поставленъ принципъ гражданскаго равенства. Зависимыя отношенія крестьянъ отъ сеньоровъ и цеховая организація замѣнены свободной конкурренціей. Законодательная власть передана изъ рукъ монарха представительному собранію. Установлено раздѣленіе властей законодательной, судебной и исполнительной. Личность гарантирована противъ произвола администраціи. Введенъ судъ присяжныхъ. Установлена отвѣтственность административнаго персонала по жалобѣ частныхъ лицъ. Признана свобода религіи, слова и печати.—Важнѣйшая черта исторіи общественныхъ учрежденій XIX вѣка заключается въ постепенномъ распространеніи этого государственнаго строя въ Западной Европѣ. Причемъ время и полнота осуществленія принциповъ гражданскаго равенства, политической и экономической свободы въ различныхъ государствахъ шли параллельно съ ростомъ средняго сословія, съ его обогащеніемъ и просвѣщеніемъ; а послѣднее являлось результатомъ развитія обработывающей промышленности, торговли и городскаго населенія.

Переворотъ въ умахъ и общественныхъ порядкахъ Запада отражается и на восточномъ государствѣ Европы—на Россіи. Литература наша проникается со времени Екатерины II гуманистическими западно-европейскими идеалами и распространяетъ ихъ въ обществѣ. Крѣпостное право было первымъ камнемъ, который надо было сдвинуть, чтобы расчистить путь къ свободной жизни и дальнѣйшему прогрессу. И вотъ на устраненіе этого колоссальнаго тормаза и были, главнымъ образомъ, направлены всѣ усилія русской литературы XIX столѣтія.

Широко развившіеся въ новѣйшей исторіи сношенія между государствами и внутри страны между гражданами дали огромное значеніе со-

ціальному фактору воздѣйствія однихъ обществъ на другія. Но особенно могуче этотъ факторъ проявляется въ странахъ, идущихъ, такъ сказать, въ хвостѣ цивилизаціи. Эти страны, вошедши въ живыя сношенія съ піонерами цивилизаціи, неизбѣжно подвергаются сильнѣйшему вліянію ихъ общественнаго строя и умственной жизни. Почему ходъ развитія и темпъ его въ такихъ странахъ значительно отличаются отъ поступательнаго движенія государствъ, создающихъ цивилизацію почти исключительно собственными силами. Благодаря непрерывно возрастающей силѣ фактора воздѣйствія передовыхъ обществъ на отставшія, можно быть увѣреннымъ, что Россія будетъ, вслѣдъ за Западомъ, осуществлять свободныя и гуманистическія формы общественнаго строя. Дальнѣйшее просвѣщеніе Запада будетъ одновременно и нашимъ просвѣщеніемъ.

Исходныя положенія теоріи Ад. Смита и связь ихъ съ ученіемъ физіократовъ.—Ученіе физіократовъ, какъ мы видѣли, формулировало и защищало идеи свободы и гражданскаго равенства въ экономической области, которыя ярко выступили въ XVIII вѣкѣ какъ въ литературѣ, такъ и въ практической жизни. Составляя часть общаго умственнаго и соціальнаго движенія и давъ, въ то же время, идеямъ и жизненнымъ требованіямъ принципіальное обоснованіе, нѣкоторую систему, это ученіе пріобрѣло огромный авторитетъ во всемъ образованномъ европейскомъ обществѣ.

Профессоръ Глазговскаго университета Адамъ Смитъ страстно желалъ лично познакомиться съ кружкомъ физіократовъ, и это желаніе ему удалось осуществить во вторую свою поѣздку во Францію 1765 г. Ниже мы увидимъ, какое сильное вліяніе оказало на міросозерцаніе Адама Смита его тринадцати мѣсячное пребываніе въ кружкѣ Гельвеціуса, Кене и Тюрго. По возвращеніи на родину, Адамъ Смитъ поселился въ Киркальди и въ сельскомъ уединеніи неутомимо работалъ, въ теченіе десяти лѣтъ, надъ «Богатствомъ народовъ». «Изслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства народовъ» вышло въ 1776 г. и первое время далеко не произвело того впечатлѣнія, какъ предъидущее сочиненіе Смита — «Теорія нравственныхъ чувствъ»; только спустя нѣсколько лѣтъ было понято все значеніе этого труда.

Разсмотримъ исходныя точки зрѣнія, послужившія основою этого сочиненія.

Ученія Руссо и физіократовъ о существованіи «естественныхъ законовъ» человѣческаго общества, покоющихся на природѣ человѣка и ея неизмѣнныхъ отношеніяхъ къ внѣшнему міру,—законовъ, одинаково приложимыхъ ко всякому народу и времени, слѣдовательно, абсолютныхъ, но искажаемыхъ ложно направляемыми правительственными учрежденіями,—получили значеніе краеугольнаго камня въ экономической

теоріи Смита. Чтобы осуществить этотъ наилучшій, естественный общественный порядокъ, надо только предоставить полную свободу проявленіемъ человѣческой природы.

Признавая наилучшимъ общественнымъ порядкомъ «естественный строй вещей», Ад. Смитъ, согласно съ физіократами, считалъ важнѣйшей задачею общественной науки раскрытіе этого естественнаго порядка, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ. Цѣлью труда Смита было не объясненіе прошедшаго, настоящаго и вытекающихъ изъ настоящаго указаній ближайшаго будущаго экономическаго строя,—въ прошедшихъ и настоящихъ народно-хозяйственныхъ организаціяхъ онъ видѣлъ лишь нелѣпую регламентацію, порожденную, съ одной стороны, невѣжествомъ, непониманіемъ истинныхъ причинъ наростанія національнаго богатства и благосостоянія, съ другой, стремленіемъ господствующихъ классовъ къ эксплоатаціи:—цѣлью его труда было построеніе наилучшаго, абсолютнаго экономическаго порядка, порядка, долженствующаго еще быть осуществленнымъ.

Первое требованіе естественнаго порядка вещей въ народномъ хозяйствѣ, по ученію Смита, состоитъ въ невмѣшательствѣ государства въ экономическую дѣятельность и въ предоставленіи ея волѣ индивидуумовъ. Съ устраненіемъ вмѣшательства государства, народное хозяйство цѣликомъ переходитъ въ руки частныхъ хозяйствъ; почему теорія Смита занимается исключительно изслѣдованіемъ:—какую организацію приметъ народное хозяйство, предоставленное свободной дѣятельности частныхъ хозяйствъ. Очевидно, первый вопросъ въ этомъ изслѣдованіи: — чѣмъ руководится человѣкъ, будучи совершенно свободенъ въ своихъ хозяйственныхъ дѣйствіяхъ? Хозяйственныя дѣйствія человѣка находятся подъ вліяніемъ многихъ мотивовъ. Но Смитъ счелъ возможнымъ выдѣлить изъ нихъ господствующій, именно стремленіе человѣка извлечь изъ своей хозяйственной дѣятельности возможно бо́льшую сумму средствъ для удовлетворенія своихъ потребностей. Въ мѣновомъ хозяйствѣ, — а современное хозяйство есть почти всецѣло мѣновое,—стремленіе извлечь возможно бо́льшую выгоду проявляется въ томъ, что всѣ желаютъ продать какъ можно дороже, и купить какъ можно дешевле. Въ своемъ сочиненіи Смитъ исключительно имѣетъ въ виду это эгоистическое стремленіе человѣческой природы и выводитъ изъ него всѣ хозяйственныя явленія. Далѣе, господство эгоизма въ частно-хозяйственной сферѣ Смитъ разсматриваетъ не только какъ фактъ, но и какъ единственную силу, могущую, при условіи полной свободы, осуществить наилучшій экономическій порядокъ. «Всякій человѣкъ,—говоритъ онъ,—старается всѣми силами сдѣлать самое выгодное употребленіе изъ своего капитала; правда, онъ имѣетъ въ виду свой собственный интересъ, а вовсе не общественную пользу, но за-

бота о личной выгодѣ естественно и необходимо побуждаетъ его избрать именно тотъ путь, который оказывается самымъ выгоднымъ для общества.... Преслѣдуя свою собственную выгоду, человѣкъ часто работаетъ на общую пользу болѣе дѣйствительнымъ образомъ, чѣмъ если-бы задался такою цѣлью». Такимъ образомъ, значеніе эгоизма возвеличивается Смитомъ до высшаго принципа въ народномъ хозяйствѣ, и частные индивидуальные интересы отождествляются съ интересами общества. Сквозь все сочиненіе Смита проходитъ мысль, что при свободной дѣятельности каждаго отдѣльнаго человѣка, руководимой эгоизмомъ и конкурренціей, сами собою развиваются такіе способы веденія предпріятій и частныхъ хозяйствъ, при которыхъ имѣющіяся въ распоряженіи націи силы почвы, труда и капитала достигнутъ наибольшей производительности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при такой экономической организаціи, каждый факторъ производства получитъ изъ ежегодно создаваемаго національнаго продукта наибольшую долю, сравнительно съ долей, какая ему досталась бы при иномъ экономическомъ порядкѣ, допускающемъ правительственную или общественную регламентацію.

Вышеизложенное показываетъ, что основныя положенія теоріи Ад. Смита состоятъ: — 1) въ признаніи естественнаго, абсолютнаго экономическаго порядка; 2) въ устраненіи активной дѣятельности государства, и отсюда—ограниченіе народнаго хозяйства системою частныхъ хозяйствъ, 3) въ возвеличеніи эгоизма до значенія основнаго принципа народнаго хозяйства и отсюда — отождествленіе индивидуальныхъ интересовъ съ общественными и почти исключительное пользованіе при изслѣдованіи хозяйственныхъ явленій дедуктивнымъ методомъ.

Изъ этихъ положеній логически вытекали требованія: 1) свободы экономическихъ сношеній между лицами: всѣ экономическія мѣновыя отношенія должны быть подчинены единственно заключенному контрагентами договору; 2) свободы заниматься любымъ промысломъ; 3) свободы образованія хозяйственныхъ обществъ; 4) свободы выбора мѣста жительства, а слѣдовательно и передвиженія; 5) свободы собственности. Распоряженіе собственностью какъ движимой, такъ и недвижимой должно быть неограниченнымъ, то есть, зависѣть единственно отъ воли лица. Всѣ эти виды экономической свободы были признаны «естественными» правами человѣка.

Таковы были основныя идеи, которыя господствовали со времени физіократовъ и Адама Смита вплоть до половины нынѣшняго столѣтія и оказали бо́льшее или меньшее вліяніе на законодательство всѣхъ европейскихъ государствъ.

Писатели оказавшіе послѣ Ад. Смита сильнѣйшее вліяніе на экономическія воззрѣнія: Мальтусъ и Рикардо. — Важнѣйшее сочиненіе Мальтуса: «Опытъ о законѣ народонаселенія», вышедшее въ 1798 году. Основная мысль Мальтусова ученія слѣдующая:—населеніе имѣетъ тенденцію увеличиваться быстрѣе средствъ существованія; неизбѣжнымъ результатомъ этого факта являются нищета, пороки, преступленія, болѣзни, эпидеміи, войны, увеличивающія смертность и уменьшающія количество населенія до размѣра средствъ существованія. Сравнивая бѣды, причиняемыя странѣ дурнымъ правительствомъ и учрежденіями, съ бѣдствіями, порождаемыми чрезмѣрнымъ размноженіемъ, Мальтусъ находитъ первыя до такой степени ничтожными, что не слѣдуетъ даже принимать ихъ въ разсчетъ въ такого рода изслѣдованіяхъ. Для предупрежденія или, по крайней мѣрѣ, уменьшенія этихъ бѣдствій Мальтусъ требуетъ: а) уничтоженія частной и общественной благотворительности и законодательства о бѣдныхъ, какъ поощряющихъ размноженіе; отъ холостого человѣка—воздержанія отъ вступленія въ бракъ, пока онъ пріобрѣтетъ средства для содержанія семьи; отъ женатаго—воздержанія отъ рожденія такого числа дѣтей, какое онъ не можетъ прокормить. Такого рода благоразуміе и предусмотрительность,—спѣшитъ прибавить Мальтусъ,—должны быть, во первыхъ, свободны и добровольны, во вторыхъ, они должны быть нравственны.

Но болѣе логическіе или, правильнѣе сказать, болѣе откровенные послѣдователи ученія Мальтуса не могли не признать, что въ разсчетахъ на возможность содержанія семьи или лишняго члена ея должны весьма часто случаться ошибки; и далѣе, что еще важнѣе, надежда на воздержаніе массъ отъ физической любви представляетъ собою наивнѣйшую иллюзію. Отсюда развитіе ново-мальтузіанизма, центръ тяжести котораго:— предупредительныя средства противъ рожденія дѣтей и борьба съ мнѣніемъ о безнравственности подобныхъ дѣйствій. Въ настоящее время въ Лондонѣ существуетъ ново-мальтузіанское общество, имѣющее своими членами значительное число правительственныхъ лицъ и ученыхъ во всѣхъ государствахъ Запада. Общество, въ которомъ большое число медиковъ открыто обсуждаетъ вопросъ о предупредительныхъ средствахъ и пропагандируетъ путемъ публичныхъ лекцій и дешевыхъ брошюръ тѣ блага, которыя явятся для народа и страны отъ уменьшенія наростанія населенія.

Кромѣ опыта о народонаселеніи, Мальтусъ написалъ трактатъ политической экономіи. Въ немъ онъ является послѣдователемъ Ад. Смита. Порядокъ свободной конкурренціи считаетъ совершеннѣйшей экономической организаціей, такъ какъ она ведетъ къ наибольшей производительности и наилучшему распредѣленію. Но для извлеченія изъ этого порядка всѣхъ выгодъ необходимо уменьшеніе наростанія населенія.

Главное сочиненіе Рикардо: «Принципы политической экономіи и налоговъ, 1817 г.». Оно не представляетъ полной системы политической экономіи, а рядъ изслѣдованій, связанныхъ между собою принципомъ свободной конкурренціи. Сюда вошли изслѣдованія о цѣнности и цѣнѣ, заработной платѣ и рентѣ, доходѣ, налогахъ, торговлѣ, банкахъ и деньгахъ.

Принявъ исходными точками основные принципы ученій Смита и Мальтуса, Рикардо исправилъ нѣкоторые неточные выводы своихъ предшественниковъ и развилъ ихъ принципы далѣе, черезъ что̀ многіе важные вопросы получили совсѣмъ иное рѣшеніе. Важнѣйшія изслѣдованія этого писателя относятся къ теоріи распредѣленія народнаго дохода. Подобно Смиту, Рикардо принимаетъ три источника дохода: поземельную ренту, заработную плату и прибыль, соотвѣтственно участію въ производствѣ земли, труда и капитала. Но онъ расходится съ Смитомъ касательно условій, управляющихъ высотою ихъ и ихъ взаимнымъ отношеніемъ.

Въ ученіи о поземельной рентѣ Рикардо исходитъ изъ положенія, что доходъ съ земельной собственности обусловливается качествами почвы и другими естественными преимуществами земли. Различіе въ естественныхъ качествахъ земель: плодородіи, мѣстонахожденіи, разстояніи ихъ отъ путей сообщенія и большихъ населенныхъ пунктовъ, имѣетъ результатомъ, что земли одинаковаго размѣра, при одинаковой затратѣ на нихъ капитала и труда, приносятъ собственникамъ различные доходы. Разность доходовъ землевладѣльцевъ, насколько она проистекаетъ изъ указанныхъ преимуществъ земельныхъ участковъ, а не изъ различія хозяйственныхъ способностей землевладѣльцевъ и неодинаковости затраты труда и капитала, называется рентою. Таковъ именно основной смыслъ правильно понятой теоріи ренты Рикардо. Съ увеличеніемъ плотности населенія возрастаетъ спросъ на землю; худшія земли, находившіяся внѣ обращенія, входятъ въ сферу эксплуатаціи; вслѣдствіе чего повышаются доходность, цѣнность, наемная плата всѣхъ земель, пользующихся какими либо преимуществами предъ землями вновь вошедшими въ обращеніе. Это возрастаніе богатства земельныхъ собственниковъ, безъ всякаго съ ихъ стороны труда, содѣйствія, а только благодаря естественному ходу дѣлъ, проявляясь наиболѣе универсально на земляхъ, вошедшихъ въ сельско-хозяйственную и минеральную промышленности, охватываетъ и всѣ прочіе виды земельной собственности: городскія земли, живописныя мѣста, водяныя силы и проч. Далѣе земли, черезъ которыя прошла желѣзная дорога, земли, прилегающія къ вновь устроенной гавани, подымаются въ доходности и цѣнности. Всякое расширеніе города увеличиваетъ цѣнность земель и домовъ, лежащихъ ближе къ центру. Основаніе свеклосахарнаго или какого-либо другаго

завода, фабрики подымаетъ доходность и цѣнность окружныхъ земель, могущихъ, по свойствамъ почвы, снабжать новое промышленное заведеніе сырыми матеріялами. Подобныхъ примѣровъ можно привести массу. И достаточно немного всмотрѣться въ дѣйствительность, чтобы убѣдиться, что обстоятельства, порождающія возрастаніе доходности и цѣнности недвижимыхъ имуществъ, безъ всякаго содѣйствія къ тому собственниковъ, обладаютъ характеромъ непрерывности и общности въ такой степени, что, въ мѣстностяхъ съ достаточнымъ населеніемъ и развитыми сношеніями, ни одно недвижимое имущество не остается внѣ постояннаго, большаго или меньшаго ихъ вліянія. Такимъ путемъ постоянно возрастающая концентрація богатствъ въ рукахъ собственниковъ недвижимыхъ имуществъ, не заключающая въ себѣ ни одного атома труда, имѣетъ какъ бы характеръ подати, которую они взимаютъ съ прочихъ общественныхъ классовъ.

Остающаяся, за вычетомъ ренты, часть ежегоднаго національнаго продукта распредѣляется первоначально между промышленнымъ капиталомъ и трудомъ. Рикардо доказано, что, при этомъ распредѣленіи, доля промышленнаго капитала обратно пропорціональна заработной платѣ. Величина же заработной платы, по ученію Рикардо, обусловливается, въ среднемъ выводѣ, безусловно необходимыми средствами существованія, отклоняясь временно то въ ту, то въ другую сторону. При возвышеніи ея увеличивается число браковъ и рожденій и уменьшается смертность среди рабочихъ классовъ, вслѣдствіе чего возрастаетъ предложеніе труда и понижается плата за него. При паденіи рабочей платы ниже средствъ, необходимыхъ для существованія, усиливается смертность, предложеніе труда уменьшается, пока рабочая плата не достигнетъ своего нормальнаго уровня.

Законъ заработаной платы Рикардо, названный впослѣдствіи «желѣзнымъ закономъ», есть логическій выводъ изъ ученія Мальтуса. По этому закону, судьба рабочаго класса, составляющаго въ каждой странѣ большинство населенія, является крайне бѣдственной, и будетъ таковой до тѣхъ поръ, пока не распространится въ этомъ классѣ убѣжденіе въ необходимости сокращать размноженіе и—привычки къ осуществленію такого убѣжденія. Рикардо полагалъ, что если такія привычки и могутъ развиться въ рабочемъ классѣ, то весьма не скоро, а слѣдовательно и экономическое положеніе рабочихъ на долгое еще время останется на уровнѣ безусловно необходимыхъ средствъ существованія.

Такимъ образомъ, теоріей Мальтуса и связаннымъ съ ней ученіемъ о заработной платѣ Рикардо нарушаются свѣтлыя ожиданія физіократовъ и Ад. Смита, что свободная конкурренція, одной собственной силой, разольетъ благосостояніе по всѣмъ классамъ общества. Отнынѣ писатели смитовской школы, защищая свободную конкурренцію, какъ со-

вершеннѣйшій экономическій порядокъ, оговариваются, что онъ раскроетъ всѣ свои блага и для рабочаго класса, но лишь при условіи уменьшенія имъ размноженія.

Школа свободной конкурренціи господствовала въ экономической литературѣ до 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Англія, Франція, Германія, Италія даютъ намъ сотни писателей этого направленія. Но нѣтъ между ними ни одного, чье вліяніе могло бы приблизиться къ вліянію трудовъ Ад. Смита, Мальтуса и Рикардо. Всѣ они или разрабатываютъ частности или просто комментируютъ этихъ трехъ англійскихъ писателей. Изъ числа первыхъ наиболѣе извѣстны: во Франціи—Сэй, Англіи—Джемсъ Милль, Германіи—Лотцъ, Италіи—Джойа. Весьма популярные экономическіе писатели: Мак-Коллохъ и Бастіа, суть простые комментаторы, не отличающіеся глубиной мысли; получили они извѣстность, лишь благодаря способности къ ясному и интересному изложенію.

Различіе въ историческомъ значеніи теоріи Смита и современной школы свободной конкурренціи.—Характеризуя ближе современное практическое значеніе школы свободной конкурренціи, надо указать слѣдующее. Школа эта оправдываетъ всѣ темныя стороны современнаго экономическаго порядка, основаннаго преимущественно на базисѣ свободной конкурренціи, стараясь доказать, что всякій другой порядокъ вещей породилъ бы еще болѣе неблагопріятныя послѣдствія. Она возстаетъ противъ всякаго вторженія законодательства въ исторически сложившееся и непрерывно развивающееся въ направленіи концентраціи богатствъ имущественное строеніе общества. А потому, даже на такую мѣру, какъ прогрессивный налогъ на наслѣдство, смотритъ какъ на нарушеніе священнаго права собственности. Отношенія труда къ капиталу, по ученію этой школы, должны опредѣляться единственно спросомъ и предложеніемъ. А потому эта школа не открываетъ труду никакого другаго выхода къ улучшенію жизненнаго положенія, какъ только сокращеніе предложенія труда чрезъ уменьшеніе размноженія. Соціальнаго вопроса, заключающагося въ цѣломъ рядѣ мѣропріятій для пріобщенія народа къ благамъ культуры, не существуетъ для нея. Она возстаетъ противъ стремленія государства быть народно-хозяйственнымъ факторомъ; всякое вмѣшательство государства въ экономическія отношенія, хотя бы съ цѣлью поддержанія слабыхъ хозяйственныхъ элементовъ противъ сильныхъ въ ихъ конкурренціонной борьбѣ, отвергается этой школой, какъ не достигающее цѣли и, еще чаще, какъ вредное для успѣховъ народнаго хозяйства и культуры. Еще одно весьма характеристическое свойствой этого направленія заключается въ томъ, что интересы движимаго капитала, крупной индустріи и торговли оно ставитъ на первый планъ, и большая часть и притомъ лучшія изъ изслѣдованій его посвящены этимъ предметамъ.

Такимъ образомъ, тѣ идеи, которыя у физіократовъ, Ад. Смита и даже Рикардо имѣли великое историческое значеніе, означали рѣшительный соціальный прогрессъ, обратились у позднѣйшихъ ихъ послѣдователей, вслѣдствіе измѣнившихся общественныхъ условій, въ сознательную или безсознательную защиту интересовъ имущихъ классовъ противъ народа, интересовъ капитала противъ труда. Съ формальной стороны принципы экономической теоріи Ад. Смита и его нынѣшнихъ послѣдователей приблизительно тѣ же; но историческое значеніе, внутренній смыслъ ихъ совсѣмъ иные. Идеи, имѣвшія значеніе могучаго движенія впередъ, запечатлѣны теперь характеромъ застоя. Богатый соціологическій опытъ промышленной жизни XIX столѣтія, котораго не было у великихъ провозвѣстниковъ экономической свободы, ничему не научилъ современныхъ представителей системы неограниченной конкурренціи. Справедливо замѣчаетъ Маурусъ, авторъ книги: «О свободѣ въ политической экономіи», что такъ какъ требованіе физіократами и Ад. Смитомъ полной свободы промышленности было вызвано стремленіемъ ихъ устранить всѣ привилегіи и водворить благоденствіе, то живи эти гуманные философы въ наше время, когда стало очевиднымъ состояніе зависимости, въ которой неимущій трудъ находится отъ властвующаго могущества нынѣ не менѣе привилегированныхъ соціальныхъ силъ, они самымъ послѣдовательнымъ образомъ требовали бы освобожденія труда отъ гнетущихъ условій посредствомъ ограниченія свободнаго употребленія или, лучше сказать, злоупотребленія этими силами. Ради отличія историческаго смысла теоріи Ад. Смита отъ практическаго значенія направленія позднѣйшихъ представителей свободной конкурренціи, это направленіе получило названіе манчестерскаго, вслѣдствіе образованія въ 40-хъ годахъ въ Манчестерѣ лиги для агитаціи къ устраненію изъ законодательства послѣднихъ остатковъ ограниченія свободы обмѣна.

Реформы законодательства въ направленіи экономической свободы.—Соотвѣтственно движенію идей реформировались и законодательства. Во Франціи, въ ночь на 4-го августа 1789 года, были уничтожены всѣ привилегіи дворянства; крестьянскія натуральныя повинности въ пользу собственниковъ земли повелѣно было перевести на деньги; объявлены:—равенство всѣхъ предъ закономъ, всеобщность и равномѣрность податной обязанности. Въ скоромъ времени были отмѣнены цехи, установлена полная свобода промышленности внутри государства и понижены таможенныя пошлины по внѣшней торговлѣ.

Въ Англіи замѣна натуральныхъ повинностей денежными, а съ тѣмъ вмѣстѣ и прекращеніе зависимости крестьянскаго населенія отъ земельной аристократіи, начинается еще въ XV вѣкѣ, и къ половинѣ XVI столѣтія этотъ процессъ достигаетъ своего полнаго завершенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, цеховая организація здѣсь никогда не обнимала всѣ города, что

представляло для развитія мануфактуръ болѣе простора сравнительно съ положеніемъ этого дѣла на континентѣ. Сверхъ того, по мѣрѣ расширенія рынковъ, открывавшихъ поле расширенію крупной промышленности, законодательство постепенно устраняетъ стѣсненія росту мануфактуръ. Цеховые законы, кодифицированные королевой Елизаветой въ 1562 году и носившіе названіе «законовъ объ ученичествѣ», подвергаются ограниченной юридической интерпретаціи въ интересѣ крупной промышленности. По этой интерпретаціи были признаны подчиненными закону Елизаветы лишь тѣ города и мѣстечки, которые существовали до изданія законовъ и пользовались уже тогда корпоративными правами. Вмѣстѣ съ тѣмъ большое число отраслей промышленности, и притомъ самыхъ важнѣйшихъ, были изъяты отъ дѣйствія закона Елизаветы. Выгоды, представлявшіяся крупною промышленностью, побуждали обогатившихся хозяевъ различныхъ промышленныхъ отраслей, находившихся въ городахъ подчиненныхъ цеховой организаціи, обращаться въ парламентъ съ петиціями объ отмѣнѣ закона Елизаветы; и парламентъ сначала пріостанавливаетъ изъ году въ годъ, а потомъ совершенно отмѣняетъ этотъ законъ постепенно то для той, то для другой отрасли промышленности. Въ 1814 году, послѣ столѣтней борьбы между крупной и мелкой промышленностями, принципъ экономической свободы одержалъ окончательную побѣду, и законъ Елизаветы былъ отмѣненъ всецѣло.

Та же политика экономической свободы рѣшительно выступаетъ въ XIX столѣтіи и въ британской внѣшней торговлѣ. Англія обогнала другія государства въ отношеніи развитія производительныхъ силъ; полная свобода внѣшней торговли была въ ея интересахъ. Только одна важная охранительная пошлина продолжала существовать въ англійскомъ законодательствѣ вплоть до 1846 года, именно пошлина на ввозъ хлѣба. Вслѣдствіе извѣстныхъ историческихъ условій англійская аристократія не потеряла политическаго значенія, не передала власть всецѣло въ руки буржуазіи. Пошлина на привозный хлѣбъ, увеличивавшая доходы англійской аристократіи, защищалась верхней палатой. И только послѣ продолжительной, упорной и грандіозной борьбы «Лиги противъ хлѣбныхъ законовъ», буржуазія одержала верхъ, и пошлина была отмѣнена.

Изъ германскихъ государствъ первая и всего рѣшительнѣе въ проведеніи идей экономической свободы и гражданскаго равенства выступила Пруссія. До сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія мелкая промышленность была господствующей формой производства какъ въ Пруссіи, такъ и прочей Германіи, и средніе классы не играли политической роли; а потому и реформы были совершены здѣсь сверху. Въ Пруссіи инціатива реформы исходила отъ двухъ великихъ государственныхъ людей—

Штейна и Гарденберга, поддерживаемыхъ мнѣніемъ университетовъ, литературы и небольшой, но сильной просвѣщеніемъ части дворянства, охваченной идеями французской революціи. Закономъ 1807 г. крестьяне получили за извѣстное разсроченное вознагражденіе право собственности на земли, которыми они и ихъ предки владѣли; всѣ натуральныя ренты переведены въ денежныя; объявлено свободное распоряженіе земельной собственностью. Закономъ 1810 г. была введена свобода промышленности.

За Пруссіей слѣдуетъ въ томъ же направленіи законодательство прочихъ германскихъ государствъ. Въ Австріи всего позднѣе совершились аграрныя реформы, отмѣна цеховъ, введеніе свободы промышленности. Новый порядокъ вещей сталъ закономъ здѣсь въ революцію 1848 года.

Но, рядомъ съ установленіемъ свободы внутренней промышленности, всѣ германскія государства, а также Австрія, для защиты національнаго производства, удержали охранительныя пошлины, хотя и понизили ихъ сравнительно съ предшествующимъ временемъ.

Современное народное хозяйство западно-европейскихъ государствъ основано преимущественно на принципѣ свободной конкурренціи. Хозяйственная свобода является здѣсь общимъ правиломъ; ограниченія ея—исключеніемъ. То же самое можно было бы сказать и о внутреннихъ экономическихъ отношеніяхъ Россіи, не удержись у насъ, какъ результатъ крѣпостнаго права, прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, наносящее неисчислимый вредъ благосостоянію народа и финансовымъ силамъ государства. Хозяйственная свобода конкретно проявляется въ слѣдующихъ главныхъ ея видахъ: 1) свобода труда; подъ этимъ видомъ свободы понимаютъ свободу личности, свободу передвиженія и выбора промышленнаго занятія, свободу продажи труда; 2) свобода земельной собственности, т.-е. свобода пріобрѣтенія, пользованія и распоряженія ею; 3) свобода капитала, т.-е. свобода договора при займѣ капитала; 4) свобода промышленнаго производства, заключающаяся въ свободѣ соединенія и употребленія производительныхъ силъ хозяйственнаго предпріятія; 5) свобода рынка, т.-е. свобода спроса и предложенія, установленія цѣнъ, конкурренціи.

Грандіозны и многосторонни положительные результаты системы экономической свободы, но и темныя ея стороны слишкомъ универсальны и безчеловѣчны, чтобы экономическій прогрессъ могъ остановиться на ней. Явившись могучимъ демократическимъ движеніемъ впередъ, возбудивъ ростъ національнаго богатства съ такой силой, какъ будто была открыта сума фортуны, эта система оказалась крайне неблагопріятной въ области распредѣленія. Бѣдность рабочихъ классовъ и пауперизмъ не устранились ею и, сверхъ того, вслѣдствіе быстраго накопленія національнаго бо-

гатства и непрерывной побѣды крупной промышленности надъ мелкой. возрастала имущественная пропасть между собственниками земли и капитала съ одной стороны и собственниками труда съ другой. А между тѣмъ, въ теченіе нынѣшняго столѣтія совершился радикальный переворотъ въ нравахъ и идеяхъ народныхъ массъ. Понятія о неблагородной и благородной крови, объ іерархіи и подчиненности вытекающихъ изъ факта рожденія и, слѣдовательно, какъ бы установленныхъ самой природой и Провидѣніемъ, замѣнились идеями о гражданскомъ равенствѣ и о правѣ всѣхъ на равномѣрное участіе въ благахъ прогрессирующей культуры. А отсюда бѣдность и обдѣленность народной массы никогда не чувствовались такъ глубоко, какъ въ настоящее время. Прежде низшее общественное положеніе народа разсматривалось, какъ вполнѣ подобающее ему мѣсто; самое важное явленіе XIX столѣтія заключается въ проникновеніи въ массы сознанія, что ихъ положеніе должно быть измѣнено въ направленіи фактическаго, а не только юридическаго осуществленія гражданскаго равенства посредствомъ совершенно новыхъ грандіозныхъ соціальныхъ учрежденій. Поднявшись на высшую ступень потребностей, мысли и нравовъ, массы яснѣе сознаютъ несправедливости въ общественномъ устройствѣ въ распредѣленіи налоговъ, политическихъ правъ, имуществъ, труда, образованія.

По мѣрѣ осуществленія системы экономической свободы, яснѣе и полнѣе проявлялись темныя ея стороны въ области распредѣленія и имущественной обезпеченности. Съ тѣмъ вмѣстѣ развивалась экономическая литература, расшатывавшая оптимистическое освѣщеніе Смитовской школой порядка свободной конкурренціи. Пятьдесятъ лѣтъ боролось критическое направленіе съ смитовскимъ ученіемъ и, наконецъ, послѣднее десятилѣтіе одержало побѣду въ области науки. Измѣнилось также отношеніе къ системѣ свободной конкурренціи законодательныхъ собраній и правительствъ. Въ принципѣ этотъ порядокъ осужденъ, и Западная Европа вступила уже на путь реализаціи крупныхъ экономическихъ реформъ.

Оппозиціонное Смитовской школѣ направленіе выступило прежде всего въ Англіи и Франціи; развилось же оно наиболѣе обстоятельно въ Германіи. А потому, поступательное движеніе экономической науки выяснится намъ вполнѣ даже и тогда, если мы, въ дальнѣйшемъ изложеніи настоящаго очерка, ограничимся одной нѣмецкой литературой *).

Развитіе оппозиціоннаго Смитовской школы направленія.—Листъ.— Первымъ вліятельнымъ противникомъ Смитовской школы въ Германіи

*) *Примѣч.*. О развитіи оппозиціоннаго Смитовской школѣ направленія въ Англіи и Франціи. см. мои статьи въ журн. „Русская Мысль“, №№ XII, 1883 г.; IV, 1884 г.

является Листъ. Важнѣйшее его сочиненіе: «Das nationale System der politischen Oeconomie». 1841. Листъ справедливо считается главою нѣмецкихъ протекціонистовъ. Въ началѣ своей литературной дѣятельности Листъ былъ приверженцемъ Адама Смита. Неблагопріятные для Германіи результаты свободной торговли заставили его разойтись съ смитовскимъ ученіемъ. «Я видѣлъ своими глазами, говоритъ Листъ, что континентальная система, не смотря на всѣ ея темныя стороны, имѣла благопріятное вліяніе на развитіе промышленной дѣятельности Германіи; а возвратъ къ свободѣ торговли подорвалъ нашу промышленность, открывъ наши рынки англійскимъ издѣліямъ и поставивъ насъ въ совершенную зависимость отъ Англіи». Исходнымъ пунктомъ ученія Листа служитъ понятіе о благосостояніи націи. Благосостояніе націи, говоритъ онъ, заключается не въ массѣ мѣновыхъ цѣнностей, какъ учитъ Смитъ, а въ многостороннемъ развитіи ея производительныхъ силъ. Какъ отдѣльному лицу приходится жертвовать своимъ интересомъ во имя общаго блага, такъ и цѣлое поколѣніе должно иногда жертвовать мѣновыми цѣнностями, чтобы развить въ будущемъ свои производительныя силы. Въ каждомъ здоровомъ обществѣ должны быть равномѣрно развиты три главныя отрасли хозяйства: земледѣльческая, мануфактурная и торговая. Особенное вниманіе должно быть обращенно на мануфактурную промышленность, ибо она обусловливаетъ экономическую независимость и политическую силу націй. Страна, исключительно земледѣльческая, всегда отличается вялостью мысли и отсталостью. Мануфактурная промышленность развивается въ странѣ не сразу. Каждая нація проходитъ извѣстный рядъ ступеней развитія: сначала бытъ пастушескій, потомъ земледѣльческій, далѣе земледѣльческо-мануфактурный и, наконецъ, земледѣльческо-мануфактурно-торговый. Переходъ отъ одной фазы къ другой зависитъ отъ наступленія извѣстныхъ условій. Помогать скорѣйшему наступленію нужныхъ для этого условій, воспитывать народъ для промышленной зрѣлости—есть дѣло государства. Главнымъ воспитательнымъ средствомъ въ рукахъ государства служитъ раціональная таможенная политика. Пока страна остается на ступени земледѣльческаго быта, она вынуждена ввозить иностранные товары и ея торговля должна быть безусловно свободна. Но какъ скоро матеріальные и духовные факторы развились въ странѣ настолько, что можетъ основаться собственная промышленность, тогда государство должно ввести покровительственную систему, которая защищала бы зарождающуюся промышленность отъ опаснаго соперничества болѣе развитыхъ экономически странъ. Наконецъ, когда національная мануфактурная промышленность настолько укрѣпится, что ей не будетъ опасна иностранная конкурренція, долженъ снова совершиться возвратъ къ свободной торговлѣ.

Такимъ образомъ, мы уже у Листа встрѣчаемъ въ зародышѣ идею

объ относительномъ значеніи экономическихъ истинъ и о необходимости историческаго изученія хозяйственныхъ явленій,—идею, сдѣлавшуюся исходнымъ пунктомъ современной экономической науки.

Всѣ, совершавшіеся за послѣднія сорокъ лѣтъ, колоссальныя открытія во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія ставили экономической наукѣ, какъ основную задачу:—разъяснить генезисъ общественныхъ формъ и понять существующій строй, какъ одинъ изъ фазисовъ въ общемъ ходѣ развитія хозяйственной жизни. Это новое направленіе политической экономіи получило названіе историческаго. Въ Германіи оно, впервые заявленное Листомъ, развивалось непрерывно и стало въ наши дни господствующимъ. Наиболѣе ранними его представителями были: Лоренцъ Штейнъ, Родбертусъ, Бруно Гильдебрандъ, Книсъ и Рошеръ.

Штейнъ. — Штейнъ, Родбертусъ и Гильдебрандъ проложили новый путь въ экономическій наукѣ тѣмъ, что посмотрѣли на развившіяся въ Англіи и Франціи соціалистическія теоріи, формулированныя Овеномъ, С. Симономъ и Фурье, не какъ на безпочвенныя заблужденія,—мнѣніе, господствовавшее въ политической экономіи — но изслѣдовали ихъ въ смыслѣ историческихъ явленій, вытекающихъ изъ современнаго строя народнаго хозяйства и прочихъ областей культуры, и стремились выяснить основательное и справедливое въ этихъ теоріяхъ. Штейнъ сдѣлалъ это въ своемъ сочиненіи о «Соціализмѣ и коммунизмѣ въ современной Франціи», 1842 г., въ которомъ онъ указываетъ на происхожденіе соціализма изъ политическихъ и хозяйственныхъ учрежденій общества и отвѣчаетъ на вопросъ: насколько соціалистическія теоріи выражаютъ современныя потребности и стремленія и правильно ихъ формулируютъ.

Родбертусъ.—Ту же мысль о переходномъ состояніи современнаго соціальнаго строя въ направленіи не только къ ограниченію распоряженія орудіями труда, какъ думаетъ Штейнъ, но и къ совершенному изъятію ихъ изъ объектовъ частной собственности разъяснялъ Родбертусъ въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ, изъ коихъ важнѣйшія: «Zur Erkentniss unserer Soc. Wirthsch. Zustände», 1842, и Zur Beleuchtung d. Socialen Frage», 1875. При этомъ онъ представилъ замѣчательно глубокую характеристику классическаго и современнаго хозяйственныхъ укладовъ и показалъ, какъ сильно обусловливаетъ экономическій строй всѣ прочія стороны жизни.

Изслѣдуя современный хозяйственный строй, Родбертусъ выясняетъ, что важнѣйшія препятствія прогресса: пауперизмъ и промышленные кризисы — вытекаютъ изъ одной и той же причины. А именно, если распредѣленіе національнаго дохода покоится на принципѣ частной собственности на землю и орудія производства *) и свободной конкурренціи,

*) *Примѣч.* Подъ орудіями производства разумѣютъ матеріалы для производства, инструменты, машины, промышленныя зданія, пути сообщенія.

что имѣетъ мѣсто въ настоящемъ экономическомъ порядкѣ, то результатомъ является, что, при возрастающей производительности общественнаго труда, вознагражденіе рабочихъ классовъ составляетъ все меньшую и меньшую часть національнаго продукта. Отсюда бѣдность массы и правильная періодичность промышленныхъ кризисовъ, отъ которыхъ страдаетъ все общество, но болѣе всего рабочіе классы. Для устраненія этихъ золъ необходима организація народнаго хозяйства, при которой общество мирнымъ путемъ прогресса перешло бы отъ отживающаго свой вѣкъ государственнаго строя, покоющагося на земельной и капиталистической собственности, къ исторически слѣдующей за этимъ эпохѣ, въ которой распредѣленіе будетъ покоиться на принципѣ труда. Переходъ этотъ можетъ быть осуществленъ при помощи такой системы заработной платы, при которой земельная и капиталистическая собственность временно оставалась бы, но, въ то же время, было бы обезпечено рабочимъ классамъ такое увеличеніе ихъ участія въ національномъ доходѣ, какое допускается повышеніемъ національной производительности. Подобный переходный порядокъ способствовалъ бы мирному соединенію прошедшаго съ будущимъ.

Родбертусъ не представилъ никакихъ проектовъ реформы. Вслѣдствіе тяжелаго и труднаго изложенія, его замѣчательныя сочиненія были до послѣдняго времени мало извѣстны. Но зато они оказали большое вліяніе на двухъ выдающихся ученыхъ: на Маркса и Лассаля.

Гильдебрандъ. — Гильдебрандъ далъ намъ въ своей, къ сожалѣнію неоконченной, «Національной экономіи Настоящаго и Будущаго», 1848 г., тонкій анализъ современныхъ ему экономическихъ ученій:—Адама Смита, Фридриха Листа и соціалистовъ; а основной цѣлью своихъ научныхъ изслѣдованій поставилъ: «преобразовать политическую экономію въ ученіе о законахъ экономическаго развитія народовъ».

Эту же цѣль преслѣдовали Книсъ въ сочиненіи: «Политическая экономія съ точки зрѣнія историческаго метода», 1853, и Рошеръ въ своей «Системѣ народнаго хозяйства», I т. 1854, II т. 1859, и, позже, въ многочисленныхъ статьяхъ по исторіи народнаго хозяйства и политической экономіи. Трудъ Книса выполняетъ несравненно удовлетворительнѣе поставленную задачу, нежели работы Рошера; но и первый, по недостатку историческаго матеріала, сдѣлалъ весьма немного для построенія системы экономической эволюціи. Стало очевиднымъ, что для открытія законовъ экономическаго развитія прежде всего надо запастись историческимъ матеріаломъ и спеціальными изслѣдованіями небольшаго раіона явленій: изслѣдованіями отдѣльныхъ эпохъ и отдѣльныхъ учрежденій. Въ послѣднія двадцать лѣтъ собранъ чрезвычайно богатый матеріалъ по экономической исторіи; особенно много сдѣлано по исторіи землевладѣнія, системъ обработки земли, цеховъ, денежной системы и средствъ сообщенія.

Маркс. — Одновременно съ разработкой нѣмецкими экономистами историческаго матеріала явились замѣчательны труды Карла Маркса, изъ коихъ важнѣйшіе: «Zur Kritik der politischen Oeconomie», 1859, «Das Kapital», 1867. Пользуясь богатымъ запасомъ историческихъ данныхъ, Марксъ примѣняетъ этотъ матеріалъ къ выясненію ближайшихъ условій, создавшихъ современный хозяйственный строй Западной Европы, изслѣдуетъ статику и динамику его, и изъ законовъ развитія этого строя выводитъ неизбѣжность его разложенія и перехода къ кооперативной организаціи производства на базисѣ общиннаго владѣнія землей и орудіями труда.

Уже по самому предмету изслѣдованій, труды Маркса не могли не обратить на себя вниманіе. Но, сверхъ того, этотъ писатель обладаетъ громадной и разносторонней эрудиціей, сильнымъ аналитическимъ и синтетическимъ умомъ, искусствомъ освѣщать предметы по степени ихъ важности; а потому, понятно, труды Маркса заняли выдающееся мѣсто въ экономической литературѣ. Намѣтимъ основныя идеи этого писателя.

До послѣдняго времени,—говоритъ Марксъ,—на экономическія отношенія смотрѣли свысока, считали ихъ второстепеннымъ элементомъ въ исторіи цивилизаціи. Главное вниманіе было обращено на политическія и юридическія учрежденія и на исторію идей. Между тѣмъ, юридическія учрежденія и идеи сами суть результатъ экономическихъ отношеній, результатъ условій производства и обмѣна. Эту великую и чрезвычайно важную въ практическомъ отношеніи мысль высказалъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія Linguet по поводу «Esprit des Lois» Монтескьё: «L'esprit des lois,—говоритъ Linguet,—c'est la propriété». Экономическая структура даннаго общества составляетъ всегда базисъ, который мы должны изучить, чтобы понять надстройки соціальнаго зданія въ видѣ учрежденій юридическихъ, политическихъ и наличныя философскія, нравственныя и другія воззрѣнія. А отсюда само собой слѣдуетъ, что если мы хотимъ найти коренныя причины той или другой соціальной метаморфозы, ихъ надо отыскивать не въ умахъ людей, а въ совершившихся измѣненіяхъ въ области производства и обмѣна, словомъ—не въ философіи, а въ экономіи изучаемой эпохи. Метаморфозы въ экономическихъ отношеніяхъ предшествуютъ измѣненіямъ идей, а не наоборотъ. Съ цѣлью обосновать эту мысль, Марксъ разсматриваетъ причины, низложившія средневѣковой бытъ и создавшія современный соціальный строй Западной Европы. И нельзя не согласиться, что, по крайней мѣрѣ, на европейской исторіи послѣднихъ пяти столѣтій, положеніе объ экономіи, какъ основномъ факторѣ развитія, вполнѣ оправдывается.

Изучая природу соціальнаго строя Западной Европы, его статику и динамику, Марксъ видитъ, что изъ современнаго капиталистическаго производства должна родиться кооперативная организація труда. Изъ присущихъ капиталистическому производству законовъ,—говоритъ онъ,—вытекаетъ концентрація капиталовъ. Болѣе крупный капиталистъ побиваетъ въ конкурренціонной борьбѣ много малыхъ капиталистовъ. Рука объ руку съ этимъ сосредоточеніемъ капитала, развивается все въ бо́льшихъ и бо́льшихъ размѣрахъ совмѣстный трудъ работниковъ, кооперативная форма рабочаго процесса. Рядомъ съ постоянно уменьшающимся, относительно, числомъ капиталистовъ, которые монополизируютъ всѣ выгоды новѣйшихъ процессовъ производства, рабочій классъ постоянно увеличивается, какъ абсолютно, такъ и относительно, и постоянно объединяется, обучается и организуется самимъ механизмомъ капиталистическаго производства, благодаря сплоченію этого класса въ крупныхъ предпріятіяхъ и большихъ промышленныхъ центрахъ. Рабочіе, сконцентрированные крупной промышленностью, начинаютъ сознавать единство своихъ интересовъ, цѣли, которыя должны они преслѣдовать для улучшенія своего положенія и возможно большаго пріобщенія къ благамъ культуры, и средства къ ихъ достиженію. Наконецъ, на извѣстной ступени развитія капиталистической организаціи производства, сосредоточеніе средствъ производства и общественный характеръ труда достигаютъ такой степени, что они не могутъ далѣе выносить свою капиталистическую оболочку. Путемъ постепеннаго процесса она разлагается и переходитъ въ новыя формы экономической жизни.

Капиталистическій способъ производства и присвоенія, а слѣдовательно и капиталистическая частная собственность есть отрицаніе индивидуальной частной собственности, основывающейся на собственномъ трудѣ. Отрицаніе капиталистическаго производства производится имъ же самимъ съ неизбѣжностью естественнаго процесса. Это отрицаніе отрицанія. Оно снова возстановляетъ индивидуальную собственность, но на основаніи пріобрѣтеній капиталистической эры, то есть, на основаніи коопераціи свободныхъ работниковъ и ихъ общиннаго владѣнія землею и средствами производства.

Превращеніе мелкой, раздробленной частной собственности на землю и орудія труда, основанной на собственномъ трудѣ индивидовъ, въ собственность капиталистическую есть процессъ несравненно болѣе медленный, тяжелый и трудный, чѣмъ обращеніе капиталистической частной собственности, фактически основывающейся уже на общественной эксплоатаціи средствъ производства, въ общественную собственность. Тамъ дѣло шло о переходѣ средствъ производства изъ рукъ народной массы въ руки, сравнительно, небольшой части общества; здѣсь дѣло идетъ о такомъ процессѣ развитія, который перемѣщаетъ средства производства изъ рукъ небольшой части общества въ руки всего общества. Процессъ промышленности, невольнымъ орудіемъ котораго служитъ

буржуазія, ставитъ на мѣсто изолированія работниковъ конкурренціей ихъ объединеніе ассоціаціей. Слѣдовательно, съ развитіемъ крупной промышленности, капиталистическая организація производства теряетъ подъ ногами почву, на которой она производитъ и присвоиваетъ себѣ продуктъ.

Свои выводы Марксъ постоянно подкрѣпляетъ данными исторіи и статистики. Сосредоточивъ вниманіе преимущественно на Англіи, какъ типической странѣ крупнаго капиталистическаго производства, Марксъ изучилъ во всѣхъ подробностяхъ богатый промышленно-статистическій матеріалъ, заключающійся въ ея разнообразныхъ оффиціальныхъ изданіяхъ.

Лассаль.—Талантливый послѣдователь Родбертуса и Маркса, Лассаль, распространилъ идеи своихъ учителей въ массахъ. Для Германіи выступленіе Лассаля на общественную дѣятельность отъ 1862 по 1864 г. знаменуетъ время, когда стремленія рабочаго класса въ этой странѣ, до сихъ поръ неопредѣленно выражавшіяся и разрозненныя, получили твердую точку опоры и единство въ дѣйствіяхъ. Съ этого момента образуется народная партія, которая представляетъ интересы рабочаго класса. Дѣятельность Лассаля служитъ прекраснымъ примѣромъ той роли, которая принадлежитъ въ исторіи геніальнымъ личностямъ. Конечно, не Лассаль создалъ рабочее движеніе въ Германіи; всѣ элементы его уже были готовы въ современныхъ условіяхъ жизни; но онъ далъ толчекъ къ соединенію этихъ элементовъ и тѣмъ ускорилъ историческій ходъ событій. Научная и агитаціонная дѣятельность Лассаля выразилась въ массѣ рѣчей и брошюръ, между которыми самая замѣчательная: «Herr Bastiat-Schulze von Delitsch, der ökonomische Julian; oder Kapital und Arbeit», 1864.

Сущность ученія Лассаля слѣдующая. Въ современной организаціи народнаго хозяйства трудъ не имѣетъ никакого права на собственный продуктъ, потому что рабочіе, при посредствѣ рабочаго контракта, прилагаютъ силы къ чужому капиталу. Вслѣдствіе опредѣленія размѣра заработной платы закономъ спроса и предложенія, она всегда стоитъ близко къ минимуму средствъ существованія работника. Такое положеніе дѣлъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не будутъ введены другіе способы производства. Но послѣднее можетъ совершиться лишь по иниціативѣ работниковъ, такъ какъ господствующіе въ настоящее время классы не могутъ желать измѣненія процесса производства, а потому не окажутъ этому дѣлу никакой помощи. Что работники имѣютъ право на эту реформу, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, такъ какъ въ идеѣ современнаго общества лежитъ не экономическое господство одной части надъ другой, но проведеніе свободы и гражданскаго равенства во всѣ области жизни. Теперь спрашивается, какъ мо-

гутъ быть устранены тѣ условія, которыя имѣютъ послѣдствіемъ неблагопріятное и противорѣчащее духу времени положенія рабочаго класса? Какимъ путемъ можно доставить работнику бо́льшую долю изъ результатовъ труда или, еще лучше, весь результатъ его труда? Самое радикальное рѣшеніе этой задачи состоитъ въ томъ, чтобы устранить совершенно систему наемной платы и совмѣстить работника и предпринимателя въ одномъ лицѣ. Хозяйственная форма, посредствомъ которой это могло бы совершиться, не нуждается въ отысканіи; она уже извѣстна; это—производительная ассоціація, соединяющая извѣстное число работниковъ одной и той же отрасли промышленности, которые, подъ руководствомъ ими же выбранныхъ представителей, ведутъ дѣло на собственный счетъ, и доходъ отъ него раздѣляютъ между собою по установленнымъ ими же правиламъ. Подобныя ассоціаціи могутъ быть первоначально введены въ тѣ отрасли промышленности, которыя, вслѣдствіе значительнаго числа занимаемыхъ ими рабочихъ рукъ, представляютъ для того наиболѣе удобныя условія. Онѣ должны возникнуть преимущественно въ тѣхъ округахъ и мѣстностяхъ, которые, по роду ихъ промышленной дѣятельности, густотѣ населенія, подготовленности и способностямъ рабочихъ, представляютъ всего болѣе шансовъ на процвѣтаніе ассоціаціонной формы производства. И разъ ассоціаціи охватятъ крупныя формы производства, онѣ, мало по малу, и чѣмъ далѣе, тѣмъ легче, перейдутъ въ другія отрасли промышленности и, въ концѣ концовъ, обнимутъ собою весь рабочій классъ. Когда расширеніе этой хозяйственной формы станетъ значительнымъ, ассоціаціи заключатъ между собою союзъ, чтобы, вмѣсто отсутствующаго въ настоящее время точнаго знанія матеріальныхъ потребностей общества, чѣмъ порождаются банкротства, кризисы и непрестанная гибель множества хозяйствъ, установить планомѣрную, бережливую и обезпечивающую членовъ ассоціацій экономическую организацію. Съ этой цѣлью ассоціаціи организуютъ промышленную статистику, кредитные и страховые союзы, раздѣленіе между собою торговаго риска.

Но гдѣ источникъ средствъ для устройства ассоціаціонной формы производства? Подобная организація не осуществима, если рабочіе предоставлены собственнымъ силамъ, ибо они не въ состояніи создать необходимый для предпріятія капиталъ. Крупная промышленность, гдѣ примѣненіе принципа ассоціаціи особенно цѣлесообразно, требуетъ такихъ капиталовъ, создать которые не въ состояніи даже и рабочіе, находящіеся въ счастливой возможности дѣлать сбереженія. На существующія кредитныя учрежденія разсчитывать нечего, ибо они работаютъ исключительно для капиталистическаго производства. А если бы даже они и согласились открыть кредитъ рабочимъ ассоціаціямъ, то ихъ ссуды были бы слишкомъ незначительны, сравнительно съ требуемыми, и притомъ

за проценты, которые оказались бы слишкомъ высоки для ассоціацій. Средства для новой хозяйственной организаціи могутъ быть добыты только у государства. Человѣчество доросло до сознанія, что главная задача и прямое назначеніе государства способствовать прогрессу культуры. Государство съ давнихъ поръ занималось приведеніемъ въ исполненіе крупныхъ хозяйственныхъ улучшеній. Довольно указать на каналы, почту, желѣзныя дороги, обширныя удобренія почвъ, введеніе новыхъ фабричныхъ производствъ и т. п. Какъ ни велика была дѣятельность государства на этомъ поприщѣ, но неизмѣримо болѣе существенный шагъ по пути прогресса оно сдѣлаетъ, оказавъ рабочимъ помощь въ дѣлѣ устройства ассоціацій. И эта цѣль можетъ быть достигнута безъ значительныхъ денежныхъ жертвъ. Потребуется только открытіе для рабочихъ государственнаго кредита. При томъ, для обезпеченія своихъ интересовъ, государство могло бы сохранить за собой право одобренія или неодобренія статутовъ ассоціацій и право контроля надъ ними.

Такова важнѣйшая современная задача и обязанность государства. Для выполненія государствомъ этой задачи необходимо усиленіе вліянія народа на законодательство посредствомъ увеличенія числа представителей отъ рабочаго класса. Эта цѣль лучше всего достигается общимъ избирательнымъ правомъ и распространеніемъ просвѣщенія въ народѣ. Такимъ образомъ, пріобрѣтеніе политической силы должно стать ближайшей цѣлью рабочаго класса. Только достигнувъ господствующаго вліянія на государственныя дѣла, рабочій классъ будетъ въ состояніи осуществить крупныя соціальныя преобразованія.

Такова сущность политико-экономической программы Лассаля. Каждый, знакомый хотя бы и поверхностно съ современнымъ положеніемъ дѣлъ въ Европѣ, пойметъ, что пропаганда Лассаля о сплоченіи рабочихъ въ соціальную партію для пріобрѣтенія политическаго значенія представляетъ вѣрное отраженіе дѣйствительности. На всемъ Западѣ рабочій классъ организуется въ союзы и на пріобрѣтеніе имъ политической силы смотритъ какъ на средство для улучшенія своей участи и все большаго пріобщенія къ благамъ культуры.

Возникновеніе реалистической школы политической экономіи. — Развивавшееся и крѣпшее съ 60-хъ годовъ рабочее движеніе въ Германіи повліяло на нѣмецкую экономическую науку. Рядомъ съ историческими и методологическими изслѣдованіями, германскіе экономисты обращаютъ бо̀льшее и бо̀льшее вниманіе на вопросы практическіе. Къ семидесятымъ годамъ появился рядъ трудовъ, посвященныхъ задачамъ экономической политики. Смитовское направленіе теряетъ въ это время свое господство въ Германіи не только въ методологическомъ отношеніи, но и въ практическомъ. Въ области экономической политики создалась здѣсь новая школа, къ которой принадлежатъ большинство профессоровъ юридическихъ и политическихъ наукъ, занимающая среднее мѣсто между манчестерствомъ и соціализмомъ. Съ манчестерствомъ она расходится въ томъ, что отрицаетъ принципъ неограниченной конкурренціи, — съ соціализмомъ тѣмъ, что считаетъ нужнымъ, въ интересахъ большей производительности народнаго хозяйства и культуры, сохранить на непредвидимое еще время главное основаніе современнаго соціальнаго строя, именно, частную собственность на землю и орудія труда. Въ виду значительной солидарности воззрѣній этой школы на систему свободной конкурренціи съ соціалистической критикой этой системы и требованія ею государственнаго вмѣшательства для смягченія золъ свободной конкурренціи, она получила отъ манчестерцевъ названіе «катедеръ-соціализма». Современные представители этой школы дали ей названіе «реалистической», желая этимъ отмѣтить, что самая характеристическая черта школы заключается въ признаніи ею относительности организаціи народнаго хозяйства и въ отрицаніи абсолютныхъ доктринъ, выводимыхъ изъ чистаго разума или естественнаго права. Наиболѣе видными представителями школы являются въ настоящее время: Вагнеръ, Шелль, Шеффле, Брентано, Шмоллеръ, Шенбергъ, Нассе, Конрадъ, Бемертъ, Лексисъ, Конъ, Нейманъ, Энгель, Замтеръ. Школа не довольствуется одной научной дѣятельностію. Точно также, какъ и соціальная демократія, она стремится обратиться въ практическую соціально-политическую партію. Эти стремленія выразились въ созваніи въ 1872 году Эйзенахскаго конгресса для обсужденія соціальнаго вопроса и въ образованіи, вслѣдъ за тѣмъ, «соціально-политическаго общества» (Verein für Socialpolitik»). Цѣлью общества поставлена агитація въ пользу мирнаго разрѣшенія соціальнаго вопроса путемъ послѣдовательныхъ реформъ, не нарушающихъ главныхъ основаній существующаго общественнаго строя. «Нашъ общественный идеалъ, — читаемъ въ рѣчи профессора Шмоллера, произнесенной при открытіи Эйзенахскаго конгресса, — не есть нивелированіе въ соціалистическомъ смыслѣ. Мы считаемъ то общество самымъ нормальнымъ и здоровымъ, которое представляетъ собою лѣстницу различныхъ существованій, но съ легкими переходами отъ одной ступени къ другой. Между тѣмъ, нашему теперешнему обществу угрожаетъ болѣе и болѣе уподобиться лѣстницѣ, въ которой сверху и снизу много ступенекъ, а среднія ступени прогрессивно исчезаютъ... Мы требуемъ отъ государства, какъ и отъ всего общества, и отъ каждаго человѣка, желающаго работать надъ задачами эпохи, чтобы они руководились высокимъ идеаломъ. И этотъ идеалъ не можетъ и не долженъ быть никакимъ другимъ, кромѣ пріобщенія всебольшей и большей части народа къ высшимъ благамъ культуры: — къ образованію и достатку. Такова должна быть великая, въ лучшемъ смыслѣ слова, демократическая задача нашего развитія, являющаяся намъ и какъ высшая цѣль исторіи человѣчества».

Характеристика реалистической школы политической экономіи.— Характеризуя реалистическую школу, мы скажемъ сначала объ ея методологическомъ содержаніи, а затѣмъ о способахъ разрѣшенія ею соціальныхъ дисгармоній или, иначе, объ ея экономической политикѣ *).

Главныя положенія, добытыя реалистическимъ направленіемъ и которыми оно существенно отличается отъ школы свободной конкурренціи, суть слѣдующія:

Во-первыхъ, отрицаніе абсолютной неизмѣнности хозяйственныхъ организацій. Въ противоположность смитовской школѣ, считающей свою теорію народнаго хозяйства послѣднимъ словомъ человѣческаго разума по этому предмету, а потому долженствующую обнять весь міръ и остаться навсегда неизмѣнною, реалистическое направленіе указываетъ, что современный западно-европейскій экономическій порядокъ, покоющійся на широкомъ примѣненіи принципа свободной конкурренціи, представляетъ собою такую же переходную ступень въ развитіи человѣчества, какую представляли и всѣ прочія хозяйственныя организаціи. Для обоснованія этой мысли нѣтъ надобности ссылаться на біологію и антропологію, доказавшихъ постоянную измѣняемость всѣхъ органическихъ формъ, въ томъ числѣ и человѣка,—такой доводъ могъ бы послужить поводомъ къ мысли, что порядку свободной конкурренціи суждено существовать еще значительное время,—достаточно указать, что этотъ порядокъ, явившійся такъ недавно, не успѣвшій еще вполнѣ реализоваться, вызвалъ уже противъ себя недовольство и борьбу массъ, порицанія въ наукѣ, имѣющія результатомъ вмѣшательство въ этотъ порядокъ законодательства съ цѣлью ослабить его вредныя дѣйствія (фабричные и другіе законы).

Во-вторыхъ, смитовская школа, исходя изъ воззрѣнія, что организація хозяйственной жизни общества, основанная на полной свободѣ борьбы личныхъ интересовъ, есть идеалъ народнаго хозяйства, естественно должна была требовать полнаго невмѣшательства государства въ хозяйственную жизнь и ограничила, поэтому, сферу государственной дѣятельности исключительно отрицательною ролью, а именно: охраненіемъ внутренней и внѣшней безопасности и защитою права. Реалистическая школа указываетъ, что ограниченіе государственной дѣятельности исключительно отрицательной ролью имѣло бы смыслъ и возможность осуществленія лишь въ томъ случаѣ, если бы свободная конкурренція частныхъ интересовъ дѣйствительно могла осуществить матеріальное благосостояніе, культурныя задачи, гармонію интересовъ между общественными классами. Но такъ какъ свободная конкурренція безсильна осуществить такое положеніе дѣлъ, то и постулатъ о невмѣшательствѣ государства, имѣвшій лишь временной успѣхъ, неизбѣжно долженъ былъ потерпѣть пораженіе какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ. Государство никогда не ограничивалось, не ограничивается и, по крайней мѣрѣ, на непредвидѣнное еще время не можетъ ограничиться исключительно отрицательной сферой дѣятельности. Государство, его экономическая и политическая организація, есть всегда выраженіе силъ дѣйствующихъ въ обществѣ, выраженіе властныхъ, въ данное время, въ данномъ народѣ, интересовъ и стремленій. Время, когда писалъ Адамъ Смитъ свои изслѣдованія о богатствѣ народовъ, было временемъ борьбы противъ феодальныхъ привилегій, цеховой регламентаціи, меркантильныхъ запрещеній, задерживавшихъ свободное развитіе національныхъ силъ. Какъ реакція противъ обветшалыхъ стѣсненій государственной опеки явилось убѣжденіе, что одно освобожденіе отъ узъ, лежавшихъ на производительныхъ силахъ страны, и предоставленіе хода дѣлъ свободной борьбѣ частныхъ интересовъ достаточно, чтобы привести общество къ желанному благоденствію. Это убѣжденіе вѣка и легло краеугольнымъ камнемъ въ теоріи Смита и помѣшало ему замѣтить, что его ученіе, на которое онъ взиралъ какъ на совершеннѣйшее воплощеніе разума, какъ на стоящее внѣ зависимости отъ времени и мѣста, является само не болѣе какъ знаменіемъ времени и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самымъ вѣрнымъ слугою интересовъ общественнаго класса, получившаго въ Англіи и Франціи, къ концу XVIII вѣка преобладающее значеніе. Невмѣшательство государства въ хозяйственныя отношенія общества, какъ тогда, такъ и до сихъ поръ, составляетъ интересъ крупной буржуазіи, какъ представительницы капитала, и потому оно есть услуга, оказываемая государствомъ капиталу на счетъ труда.

Въ третьихъ, изъ уясненія роли государства въ народной жизни само собою вытекаетъ заключеніе о недостаточности сдѣланнаго смитовской школой опредѣленія предмета и границъ экономической науки. Политическая экономія, если желаетъ обнять экономическіе факты во всей ихъ цѣлости, не можетъ ограничиться изслѣдованіемъ только системы частныхъ хозяйствъ, а должна разсматривать всю область народнаго хозяйства, какъ частнаго, такъ и общественнаго, проявляющагося въ экономической дѣятельности государства и въ различныхъ автономныхъ общественныхъ учрежденіяхъ. Далѣе, каждая сторона народной жизни находится во взаимодѣйствіи со всѣми прочими, а потому, съ цѣлью всесторонняго изслѣдованія области хозяйственныхъ явленій общества, наука должна разсматривать ее совмѣстно съ прочими сферами народной жизни:—нравственною, политическою, правовою. Отсюда видно, что предметъ политической экономіи, какъ его понимаетъ реалистическая

*) Съ большей подробностью, чѣмъ здѣсь, я говорю о реалистической школѣ въ моей книгѣ: „Основныя положенія экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени“.

школа, гораздо шире, сравнительно съ пониманіемъ его смитовскою школою. Предметъ политической экономіи, по ученію реалистической школы, состоитъ въ изслѣдованіи причинъ, порождающихъ ту или другую организацію народнаго хозяйства, въ изслѣдованіи сущности этихъ организацій и связи ихъ со всѣми прочими сторонами народной жизни, а главнымъ образомъ съ характеромъ культурныхъ идей, нравами и политическими учрежденіями.

Въ четвертыхъ, при указанномъ только что пониманіи реалистическою школою предмета политической экономіи, эта школа, естественно, должна разойтись съ смитовскою и по вопросу о методѣ. Смитовская школа, ограничивъ предметъ политической экономіи системою частныхъ хозяйствъ, могла пользоваться почти исключительно методомъ дедукціи, потому что для объясненія явленій частныхъ хозяйствъ, возможно было, не расходясь значительно съ дѣйствительностью, допустить одну психологическую посылку, именно личный интересъ, и изъ нея дѣлать выводы для объясненія явленій и построенія теоріи. Реалистическая школа—какъ разсматривающая причины, управляющія дѣятельностью не только отдѣльныхъ частныхъ хозяйствъ, но и хозяйства общественнаго, явленія котораго всегда вытекаютъ изъ взаимодѣйствія многихъ силъ, и физіологія котораго совершенно отлична отъ физіологіи системы частныхъ хозяйствъ, — пользуется въ своихъ изслѣдованіяхъ рядомъ съ дедуктивнымъ методомъ также методомъ индукціи. Различія въ идеяхъ, нравахъ и политическихъ учрежденіяхъ разныхъ народовъ вліяютъ несравненно сильнѣе на общественныя хозяйства, нежели на частныя. А эти вліянія могутъ быть установлены только путемъ наблюденія, а не путемъ вывода; а потому, при привлеченіи ихъ къ изслѣдованію, политическая экономія неизбѣжно должна была обратиться изъ науки абстрактно-дедуктивной въ науку конкретно-индуктивную. Дедуктивный методъ смитовской школы до сихъ поръ находитъ себѣ большое приложеніе при изслѣдованіи дѣятельности частныхъ хозяйствъ, такъ какъ эта дѣятельность въ общемъ опредѣляется весьма элементарной причиной:—личнымъ интересомъ. Личный же интересъ въ экономической жизни современнаго общества проявляется желаніемъ продать возможно дороже и купить возможно дешевле *). Но и въ этой области дедуктивные выводы требуютъ дополненія себя методомъ наблюденія. Особенно это дополненіе требуется въ сферѣ отношеній между капиталомъ и трудомъ. Такъ, напримѣръ, высота заработной платы значительно зависитъ отъ нравовъ рабочихъ, отъ стойкости или податливости ихъ въ дѣлѣ поддержанія и возвышенія ихъ жизненныхъ потребностей. Къ общественнымъ же хозяйствамъ, а также къ народному хозяйству, разсматриваемому въ цѣломъ, въ его статикѣ и динамикѣ, дедуктивный методъ совершенно не приложимъ, ибо эти хозяйства являются результатами многихъ причинъ.

*) Слова: личный интересъ, эгоизмъ часто употребляютъ какъ нѣчто опредѣленное, какъ заключающія въ себѣ извѣстное содержаніе, или какъ силу всегда равной величины. Между тѣмъ довольно лишь немного подумать, чтобы убѣдиться, что личный интересъ есть только стремленіе, форма съ весьма различнымъ содержаніемъ въ разное время, у разныхъ народовъ, у разныхъ индивидовъ. Человѣку присущи два стремленія: эгоистическое и альтруистическое; отсюда дѣятельность для себя и дѣятельность для другихъ. Но какими путями удовлетворитъ человѣкъ первое стремленіе, это всецѣло зависитъ отъ нравовъ и идей эпохи. Подъ вліяніемъ потребности человѣкъ спаривается,—нравственный элементъ въ широкомъ смыслѣ слова, такъ называемый этосъ народа, создаетъ различные виды брачныхъ отношеній и домашняго очага. Человѣкъ имѣетъ потребность къ удовлетворенію матеріальныхъ нуждъ,—техника, нравы и идеи создаютъ различныя экономическія организаціи, въ которыхъ личный интересъ проявляется весьма разно, какъ количественно, такъ и качественно. Все зависитъ здѣсь отъ нравовъ и понятій. А они не врожденны; они постоянно измѣняются и прогрессируютъ въ направленіи уменьшенія эксплоатаціи человѣка человѣкомъ, смягченія проявленій личнаго интереса, удовлетворенія его болѣе гуманными путями. Эгоизмъ въ народномъ хозяйствѣ, по остроумному сравненію одного писателя, то-же, что паръ въ паровой машинѣ: о его дѣйствіи можно судить только въ такомъ случаѣ, если извѣстно давленіе, подъ которымъ онъ работаетъ. Давленіе, о которомъ идетъ рѣчь въ данномъ случаѣ, исходитъ изъ культурной жизни, изъ нравовъ и понятій даннаго общества. „Міръ культуры“ опредѣляетъ содержаніе или, иначе сказать, образъ проявленій эгоистическаго начала. Эту мысль нерѣдко забываютъ при оцѣнкѣ соціальныхъ идеаловъ, выставленныхъ нашимъ временемъ.

Наконецъ, въ пятыхъ, изъ признанія реалистическою школою неблагопріятныхъ для общественной жизни результатовъ неограниченной свободы конкурренціи само собою вытекаетъ для нея обязанность указать, съ точки зрѣнія понятій о культурныхъ задачахъ нашего времени, общую, ближайшую цѣль развитія народнаго хозяйства и мѣры для осуществленія ея. Цѣль развитія народнаго хозяйства реалистическая школа видитъ въ согласованіи наибольшаго производства съ возможно справедливымъ распредѣленіемъ. Но въ чемъ заключается распредѣлительная справедливость, взгляды на это представителей школы различаются. Здѣсь мы вступаемъ въ область экономической политики, гдѣ уже не находимъ того единства въ воззрѣніяхъ школы, какое существуетъ въ вопросахъ методологическихъ и въ оцѣнкѣ современнаго экономическаго порядка.

Установленіе принципа распредѣленія есть очевидно центральный пунктъ всякой теоріи экономической политики. А потому, первый вопросъ, съ которымъ мы обращаемся къ реалистической школѣ:—каковъ принципъ распредѣленія въ ея ближайшемъ идеалѣ народнаго хозяйства? Замѣтимъ, здѣсь дѣло идетъ о ближайшемъ идеалѣ, при построеніи котораго принимаются во вниманіе единственно основныя свойства человѣче-

ской природы и условія техники,—и совершенно устраняются счеты съ существующими отношеніями силъ общественныхъ классовъ. Послѣднее приходится принимать въ соображеніе при практической дѣятельности, при обсужденіи возможности проведенія той или другой реформы въ данную минуту. Задача же соціальной науки начертить условія общественной жизни, при которыхъ достигается наибольшая свобода, благосостояніе и всестороннее развитіе человѣка. Такія идеальныя построенія, когда они гармонируютъ съ культурными идеями вѣка и воспринимаются массами, имѣютъ цѣлью стать путеводной звѣздой для общественной и государственной дѣятельности. Они маяки для предотвращенія катастрофъ и установленія мирнаго, непрестаннаго прогресса.—Обращаемся къ вопросу объ идеалѣ распредѣлительной справедливости въ ученіи реалистической школы. Большинство писателей школы обходитъ принципіальную постановку этого вопроса. Они ограничиваются изслѣдованіями неблагопріятныхъ результатовъ свободной конкурренціи въ области распредѣленія и проектируютъ серію частныхъ мѣръ для возвышенія матеріальнаго благосостоянія народа. Тѣ же немногіе, которые разсматриваютъ вопросъ о распредѣлительной справедливости, даютъ на него весьма неопредѣленный отвѣтъ. И причина этого понятна.

Существуютъ три главные принципа, обусловливающіе организацію распредѣленія: произволъ, конкурренція, трудъ. Реалистическая школа не принимаетъ ни одного изъ нихъ; ея распредѣлительная справедливость представляетъ компромиссъ двухъ принциповъ: конкурренціи и труда. Между тѣмъ, эти два принципа другъ друга исключаютъ. А потому, естественно, распредѣлительная справедливость реалистической школы не можетъ имѣть опредѣленный характеръ. Для иллюстраціи приведемъ разсужденія одного изъ главныхъ представителей школы, изложившаго ея основные принципы. Мы говоримъ о Шмоллерѣ.

Справедливость въ распредѣленіи, говоритъ этотъ писатель, осуществляется тогда, когда распредѣленіе хотя приблизительно соотвѣтствуетъ добродѣтелямъ, познаніямъ и трудамъ, словомъ—заслугѣ. Но въ какой степени неопредѣленно у Шмоллера понятіе заслуги, видно изъ слѣдующаго. Свою мысль «о распредѣленіи по заслугамъ» Шмоллеръ поясняетъ, между прочимъ, примѣромъ распредѣленія дохода между участниками производства. «Принципіальный вопросъ здѣсь,—говоритъ онъ,—чрезвычайно ясенъ: если нѣсколько человѣкъ участвуютъ въ выполненіи одного общаго дѣла, то доля каждаго въ общемъ доходѣ должна соотвѣтствовать выполненной имъ работѣ. Затрудненія возникаютъ только изъ того, что нѣкоторые виды труда очень мало соизмѣримы, какъ, напримѣръ, трудъ созданія капитала и работа въ собственномъ смыслѣ, или трудъ умственный и физическій. Однако, уже изъ приведеннаго общаго принципа слѣдуетъ, что ручная работа никогда не можетъ

претендовать на обладаніе всѣмъ доходомъ предпріятія, что чѣмъ менѣе важнымъ для доходности предпріятія представляется тотъ или иной факторъ, тѣмъ менѣе имѣетъ онъ и правъ на вознагражденіе, что въ такихъ предпріятіяхъ, гдѣ размѣръ чистаго дохода опредѣляется, главнымъ образомъ, спекулятивными талантами руководителей, никто другой не имѣетъ права на участіе въ немъ и, наоборотъ, тамъ, гдѣ доходность зависитъ вполнѣ отъ успѣшности обученнаго труда, мастера имѣютъ неоспоримое право на долю возрастающей прибыли». Принципъ распредѣлительной справедливости можетъ быть удовлетворенъ, по мнѣнію Шмоллера, и другимъ путемъ: возвышеніемъ уровня добродѣтели и усиленіемъ полезной дѣятельности имущихъ классовъ. «Не совсѣмъ справедливыя сами по себѣ преимущества привилегированныхъ классовъ,—говоритъ Шмоллеръ,—могутъ быть искуплены, если эти классы будутъ пользоваться своимъ положеніемъ не столько для расширенія личныхъ эгоистическихъ наслажденій, сколько для блага общества и государства, для блага низшихъ, подчиненныхъ классовъ».

Изъ всѣхъ представителей реалистической школы съ наибольшей опредѣленностью по вопросу о распредѣлительной справедливости разсуждаетъ берлинскій профессоръ Адольфъ Вагнеръ. Онъ признаетъ, что справедливость въ распредѣленіи требуетъ обоснованія доходовъ на трудѣ. Но такая организація экономическаго порядка, по его мнѣнію, можетъ осуществиться лишь въ весьма отдаленномъ времени. При существующихъ же культурныхъ условіяхъ приходится поступиться справедливостью ради интереса высшей производительности народнаго хозяйства. Приходится сохранить частную собственность на орудія производства и вытекающія изъ нея: земельную ренту, промышленную прибыль и процентъ. На непредвидимое еще время цѣль народнаго хозяйства въ области распредѣленія должна заключаться въ поднятіи матеріальнаго благосостоянія рабочихъ классовъ и пріобщеніи ихъ къ благамъ культуры на базисѣ современныхъ основъ хозяйственнаго строя. Въ какихъ результатахъ долженъ выразиться компромиссъ между принципомъ справедливости и экономическимъ принципомъ наивысшей производительности, рѣшается при обсужденіи данныхъ каждаго конкретнаго случая. Ниже мы увидимъ, какую организацію народнаго хозяйства считаетъ Вагнеръ своевременной для приближенія къ распредѣлительной справедливости.

Итакъ, пониманіе идеала распредѣленія у Вагнера и у вышеупомянутыхъ авторитетныхъ соціалистическихъ писателей одно и то же. Общее у нихъ и сознаніе, что приведеніе собственности въ возможно полное соотвѣтствіе съ трудомъ не можетъ быть сдѣлано разомъ, а что эта великая задача можетъ быть рѣшена только трудомъ нѣсколькихъ поколѣній и цѣлымъ рядомъ одна другую дополняющихъ реформъ.

Расходятся же они: — въ оцѣнкѣ современныхъ культурныхъ условій. Соціалистическіе писатели полагаютъ, что вполнѣ назрѣли условія для совершенія реформъ въ направленіи перемѣщенія орудій производства изъ частной собственности въ собственность общественную. Напротивъ, Вагнеровская идеальная организація ближайшаго будущаго покоится на ограниченной законодательствомъ частной собственности на землю и орудія производства.

По общему признанію реалистической школы, соціальная реформа должна заключаться въ улучшеніи современнаго хозяйственнаго строя, въ возвышеніи матеріальнаго и нравственнаго положенія рабочихъ классовъ, но не въ измѣненіи самаго типа экономической организаціи. Посмотримъ, какіе пути устанавливаетъ реалистическая школа для осуществленія соціальной реформы.

Пути, устанавливаемые реалистической школой для осуществленія соціальной реформы. — Литература реалистической школы представляетъ по этому вопросу два направленія. Одно выставляетъ принципъ «самопомощи», организацію рабочихъ союзовъ, какъ главное и лучшее средство для осуществленія соціальной реформы; вмѣшательству же государства въ хозяйственный строй отводитъ ограниченное поле дѣйствія. Другое стоитъ, преимущественно, за устроеніе государствомъ экономическихъ отношеній; а на организацію рабочихъ союзовъ смотритъ, какъ на весьма важное дѣло лишь въ смыслѣ увеличенія рабочимъ классомъ своей политической власти для вліянія на ходъ законодательства, ибо безъ усиленія политическаго значенія рабочихъ классовъ никогда прочно и существенно не измѣнится ихъ положеніе. Самый крупный представитель перваго направленія — бреславскій профессоръ Брентано; втораго—Адольфъ Вагнеръ. Другіе экономисты реалистической школы или примыкаютъ къ нимъ, или являются эклектиками по этому вопросу.

Важнѣйшія сочиненія Брентано: «Die Arbeitergilden der Gegenwart», 1872, и «Das Arbeitsverhälthiss gemäss dem heutigen Recht», 1877.

Политическіе и экономическіе перевороты и реформы прошлаго и нынѣшняго столѣтій, говоритъ Брентано, совершенно преобразовали соціальный строй. Исходными принципами современнаго государственнаго устройства признаны свобода и равенство передъ закономъ. Трудъ, сдѣлавшійся свободнымъ, обратился въ товаръ, подлежащій продажѣ-покупкѣ. Смито-Рикардовская школа полагала, а Манчестерская до сихъ поръ утверждаетъ, что при такомъ положеніи труда, работники могутъ достигнуть участія въ благахъ культуры, лишь бы только размноженіе ихъ не обгоняло роста національнаго капитала. Опытъ девятнадцатаго столѣтія показалъ ложность этого воззрѣнія. Возрастаніе національнаго богатства въ Англіи, Франціи, Германіи обгоняетъ ростъ населенія и

имѣетъ результатомъ, что культура становится достояніемъ лишь достаточныхъ классовъ, увеличивается имущественная пропасть между работодателями и рабочими, развивается антагонизмъ между ними, общественному порядку грозятъ опасности, на сцену является соціальный вопросъ. Экономисты различно объясняли источникъ соціальнаго вопроса. Соціалистическіе писатели видятъ его въ основномъ началѣ современной экономической организаціи: въ приравненіи труда къ товару. Но разрѣшеніе соціальнаго вопроса, говоритъ Брентано, можетъ и должно совершиться при сохраненіи за трудомъ положенія товара. Надо только поставить трудъ - товаръ въ такія условія, которыя соотвѣтствуютъ его особенностямъ.

Трудъ есть проявленіе рабочей силы. Рабочая же сила не можетъ быть отдѣлена отъ человѣка. Слѣдовательно, пользованіе рабочей силою другаго есть пользованіе самимъ человѣкомъ. Въ этомъ неразрывномъ соединеніи труда съ личностью заключается существенный признакъ, которымъ трудъ, какъ товаръ, отличается отъ всѣхъ прочихъ товаровъ. Купившій что - либо пріобрѣтаетъ право пользованія и распоряженія купленнымъ, пріобрѣтаетъ господство надъ нимъ; и точно также купившій трудъ пріобрѣтаетъ господство надъ рабочею силою, то-есть— надъ человѣкомъ, надъ его физическимъ, интеллектуальнымъ, моральнымъ и соціальнымъ существованіемъ. Рядомъ съ этимъ, рабочій обыкновенно бѣденъ; онъ не имѣетъ другихъ источниковъ существованія, какъ только продажу своего труда. Продавцы другихъ товаровъ, при неблагопріятныхъ условіяхъ рынка, могутъ воздержаться отъ невыгоднаго для нихъ сбыта; для рабочаго нѣтъ выбора и онъ вынужденъ продавать свой трудъ по всякой цѣнѣ, за всякія условія, отчего господство надъ нимъ покупателя его труда еще болѣе усиливается. Эти два факта: неразрывность рабочей силы съ лицомъ, ее продающимъ, и отсутствіе у рабочихъ другихъ источниковъ существованія, кромѣ продажи рабочей силы, порождаютъ слѣдующія важныя моральныя и экономическія слѣдствія *).

Продавецъ каждаго вещественнаго товара можемъ продавать его, не находясь на мѣстѣ нахожденія товара. Не говоря уже объ оптовыхъ торговцахъ, фабрикантахъ, земельныхъ собственникахъ, даже мелочной торговецъ не вынужденъ находиться постоянно при своихъ товарахъ. Какъ эти, такъ и всѣ прочіе общественные классы, за исключеніемъ рабочихъ, пользуются однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ условій существованія, а именно, свободою распоряжаться своимъ временемъ. Высшіе

*) Хотя большинство русскаго народа составляютъ земельные собственники, но скудость надѣловъ во многихъ мѣстностяхъ, обременительность податей и повинностей ставитъ нашихъ крестьянъ въ такую же необходимость продавать свой трудъ почти на всякихъ условіяхъ, въ какую поставлены полные пролетаріи.

классы работниковъ, какъ, напримѣръ, чиновники, техники, инженеры, хотя и обязаны посвящать опредѣленные часы дня занятіямъ, тѣмъ не менѣе ихъ положеніе, въ отношеніе свободы распоряжаться временемъ, существенно разнится отъ положенія низшихъ рабочихъ классовъ, такъ какъ первые пользуются значительнымъ ежедневнымъ досугомъ. Рабочіе классы, вслѣдствіе продолжительности дневнаго труда, лишены ежедневнаго досуга, имѣющаго значеніе необходимаго условія для умственнаго и нравственнаго развитія, для выполненія соціальныхъ и домашнихъ обязанностей и, вообще, для существованія достойнаго человѣка.

Необходимость постояннаго пребыванія рабочаго въ мѣстѣ продажи его рабочей силы опредѣляетъ обстановку его труда и весьма часто его жизненныя условія. Недостатокъ свѣта, тѣснота помѣщенія, испорченный воздухъ, тѣсная установка машинъ, порождающая ежегодно значительное число убитыхъ, изуродованныхъ и калѣкъ—вотъ обыкновенная обстановка промышленнаго труда. Эти условія подрываютъ въ той же степени жизненную силу трудящейся массы, какъ подрываетъ ее и чрезмѣрный трудъ.

Эти особенности труда, какъ товара, обусловленныя его неразрывною связью съ личностью продавца товара, дѣлаютъ вопросомъ первой важности: кто именно опредѣляетъ условія рабочаго договора. Но выше было уже замѣчено, что кромѣ особенностей, присущихъ труду какъ товару, есть еще особенность, присущая рабочему. Она заключается въ бѣдности рабочаго, которая лишаетъ его самостоятельности при заключеніи условій рабочаго договора.

Въ общемъ правилѣ, рабочій не имѣетъ другихъ источниковъ существованія, какъ только продажу своего труда. Поэтому, онъ не можетъ, подобно продавцамъ другихъ товаровъ, пріостанавливаться съ предложеніемъ своего товара въ ожиданіи лучшаго положенія рынка. Ему неостается ничего другаго, какъ постоянно подчиняться условіямъ рынка, каковы бы они ни были. Вслѣдствіе этого, условія рабочаго контракта устанавливаются почти исключительно покупщиками рабочей силы. Покупщики рабочей силы опредѣляютъ количество часовъ работы, денную или ночную работу, мѣсто и обстановку труда и вознагражденіе за него. А слѣдовательно, покупка-продажа рабочей силы только въ очень ограниченномъ смыслѣ можетъ быть названа сдѣлкою свободною, добровольною. Крайнее паденіе заработной платы, а съ другой стороны и возвышеніе этой платы опредѣляются стеченіемъ обстоятельствъ, независимыхъ отъ рабочихъ. Самъ рабочій лишенъ возможности вліять на размѣры своего достатка, которымъ обусловливаются для него условія существованія.

Нельзя не согласиться, продолжаетъ Брентано, что есть нѣчто глубоко трагическое въ этомъ положеніи вещей. И еслибы не представлялось возможности поставить въ зависимость отъ самого рабочаго участіе его въ благахъ культуры, существованію современнаго соціальнаго строя угрожала бы серьезная опасность. Но, къ счастью, не предстоитъ необходимости въ устраненіи основъ современнаго правоваго порядка для того, чтобы осуществить признанное въ идеѣ за рабочими право на равное съ прочими общественными классами участіе въ благахъ культуры и прогресса. Рабочій вопросъ можетъ быть разрѣшенъ и при существующей экономической организаціи.

Главнѣшимъ средствомъ къ его разрѣшенію является организація рабочихъ въ союзы. Безсиленъ единичный рабочій; но сплоченные въ союзы рабочіе могутъ противустать капиталу и устранить неблагопріятныя послѣдствія особыхъ свойствъ труда, какъ товара, и рабочаго, какъ продавца этого товара.

Этотъ путь къ выходу изъ современной общественной неурядицы не есть только теоретическая мысль. Онъ указанъ самой жизнью. Рабочіе союзы возникли и развиваются во всѣхъ промышленныхъ государствахъ Западной Европы; но раньше и наибольшаго значенія они достигли въ Англіи, какъ странѣ, развившей прежде другихъ крупную промышленность и создавшей тѣмъ самымъ наибольшій процентъ населенія, извлекающаго средства существованія изъ продажи рабочей сылы.

Изслѣдовавъ происхожденіе, характеръ и экономическое значеніе англійскихъ рабочихъ союзовъ (trades-unions), Брентано видитъ въ нихъ ту организацію труда, которая, достигнувъ своего полнаго развитія, поставитъ трудъ въ положеніе установителя условій рабочаго договора и, такимъ образомъ, разрѣшитъ задачу нашего времени о равномѣрномъ участіи въ благахъ культуры всѣхъ общественныхъ классовъ.

Воззрѣнія Брентано на грядущія отношенія между трудомъ и капиталомъ наводятъ на вопросъ: если рабочій классъ, путемъ сплоченія, поставитъ въ будущемъ трудъ въ положеніе установителя всѣхъ условій рабочаго договора и, благодаря этому, возвыситъ существенно заработную плату, то не сдѣлается ли доля капитала столь ничтожной, что совершится имущественное и обусловливаемое имъ прочее гражданское уравненіе общественныхъ классовъ въ такой степени, что предвидимый Брентано порядокъ вещей представитъ совершенно отличный отъ настоящаго соціальный строй? И далѣе: если рабочіе пріобрѣтутъ прямое воздѣйствіе на самое направленіе производства и его размѣры, какъ это полагаетъ Брентано, то такой же останется raison d'être для сохраненія формы капиталистическаго производства, характеризующейся существованіемъ наемнаго труда?

Теперь познакомимся съ ученіемъ самаго крупнаго представителя

другаго направленія реалистической школы, съ ученіемъ Адольфа Вагнера, возлагающаго выполненіе соціальной реформы на государство, на расширеніе его экономической роли. Важнѣйшее сочиненіе этого писателя и практическаго дѣятеля, въ качествѣ совѣтника имперскаго канцлера по экономическимъ реформамъ, сочиненіе, представляющее наиболѣе полную систематизацію его воззрѣній:—Lehrbuch der National Oeconomie, 1876 г.

Организація народнаго хозяйства, говоритъ Вагнеръ, на непредвидимое еще время будетъ покоиться на трехъ различныхъ принципахъ, которые ведутъ къ тремъ различнымъ хозяйственнымъ системамъ. Эти системы суть: частно-хозяйственная или индивидуалистическая, составляющая до сихъ поръ почти единственное содержаніе курсовъ политической экономіи, общественно-хозяйственная или коммунизмо-соціалистическая и благотворительная.

Въ частно-хозяйственной системѣ производство и распредѣленіе цѣнностей обусловливаются личнымъ интересомъ отдѣльныхъ хозяйствъ, вступающихъ между собою въ мѣновыя сношенія. Наоборотъ, въ общественно-хозяйственной системѣ производство цѣнностей совершается совмѣстнымъ участіемъ въ немъ большаго или меньшаго числа отдѣльныхъ хозяйствъ; а въ потребленіи создаваемыхъ такими хозяйствами цѣнностей не существуетъ уравновѣшенія между даваемымъ и получаемымъ участниками въ этихъ хозяйствахъ.

Общественныя хозяйства, по условіямъ ихъ происхожденія, распадаются на два вида: на добровольныя и принудительныя. Первыя представляютъ свободное соединеніе частныхъ хозяйствъ для достиженія какой-либо цѣли и дѣйствуютъ на основаніи договора. Причиною происхожденія ихъ служитъ мотивъ выгоды; слѣдовательно, они, какъ и частныя хозяйства, зиждутся на личномъ интересѣ; но здѣсь личный интересъ каждаго члена солидаренъ съ интересами всѣхъ прочихъ членовъ общественнаго хозяйства. Цѣли, дѣятельность и соціальное значеніе добровольныхъ общественныхъ хозяйствъ весьма разнообразны. Важнѣйшіе виды ихъ суть: производительныя, кредитныя и потребительныя ассоціаціи, общества взаимнаго страхованія, общества для обезпеченія стариковъ, вдовъ, сиротъ и инвалидовъ, рабочіе союзы. Второй, несравненно важнѣйшій видъ общественныхъ хозяйствъ, имѣющій фундаментальное значеніе для организаціи цѣлаго народнаго хозяйства, составляютъ принудительныя общественныя хозяйства. Принудительными они могутъ быть названы потому, что участіе въ нихъ обязательно для отдѣльныхъ лицъ и, сверхъ того, производство и распредѣленіе въ этихъ хозяйствахъ регулируется общественною властью. Самый важный субъектъ принудительныхъ общественныхъ хозяйствъ есть государство. Органами веденія такихъ хозяйствъ являются, какъ центральное правительство, такъ и мѣстныя власти различныхъ пространственныхъ округовъ (община, уѣздъ, губернія, область и т. д.).

Наконецъ, благотворительная система, проявляющаяся въ различнаго рода гуманитарныхъ учрежденіяхъ, представляется необходимою для облегченія недостатковъ и пополненія пробѣловъ частно-хозяйственной и общественно-хозяйственной системъ. Благотворительная система основана на началѣ безвозмезднаго или только частію возмѣщаемаго снабженія хозяйственными цѣнностями лицъ, нуждающихся въ нихъ.

Въ правильной комбинаціи этихъ трехъ хозяйственныхъ системъ, съ цѣлью достиженія наибольшаго производства съ возможно справедливымъ распредѣленіемъ, и заключается главная задача экономической политики.

Смитовская школа ограничиваетъ область принудительнаго общественнаго хозяйства учрежденіями для защиты правъ, личной безопасности и политической независимости народа. Такое ограниченіе дѣлается ею на томъ основаніи, что всѣ прочія потребности гражданъ удовлетворяются всего лучше частною и добровольно-общественною системами. Оптимизмъ такого воззрѣнія выясненъ теперь съ достаточной полнотой. Частныя хозяйства производятъ только такія цѣнности, продажная цѣна которыхъ можетъ доставить имъ среднюю прибыль на капиталъ; какъ бы ни была важна потребность, но если удовлетвореніе ея не можетъ быть оплачено нуждающимися, она останется неудовлетворенною. А потому, частно-хозяйственная система не гарантируетъ удовлетвореніе даже такихъ необходимѣйшихъ потребностей, какъ потребности въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ, топливѣ, не говоря уже о потребностяхъ въ медицинской помощи, образованіи, средствахъ сообщенія, кредитѣ, страхованіи, обезпеченіи участи малолѣтнихъ, стариковъ и инвалидовъ, охраненіи интересовъ будущихъ поколѣній, напримѣръ, предохраненіе почвы отъ истощенія, охрана лѣсовъ и т. п. Далѣе, эта система неизбѣжно ведетъ къ монополіи промышленныхъ предпріятій и уже въ настоящее время представляетъ многіе примѣры ея, особенно въ области путей сообщенія. Эти недостатки частно-хозяйственной системы вызываютъ необходимость, во-первыхъ, ограниченія законодательствомъ свободной конкурренціи, во-вторыхъ, расширенія существующей системы принудительно-общественныхъ хозяйствъ. Принужденіе со стороны государства къ соединенію частныхъ хозяйствъ въ общественное хозяйство является необходимымъ также во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда достиженіе полезной цѣли, желаемое большинствомъ хозяевъ, не можетъ быть осуществлено по причинѣ несогласія меньшинства сосѣднихъ хозяевъ. Особенно часто подобные случаи встрѣчаются въ земельной собственности; почему въ аграрномъ законодательствѣ всѣхъ государствъ существуютъ болѣе или менѣе обстоятельныя правила, разрѣшающія столкновенія частнаго и общаго интересовъ.

Система принудительныхъ хозяйствъ, выполняемая общественными

органами, составляетъ совершенную противоположность частно-хозяйственной системѣ. Средства для веденія первыхъ получаются, по преимуществу, путемъ налоговъ и обязательныхъ сборовъ и составляютъ общественный капиталъ. Самое распредѣленіе налоговъ между гражданами, по коренному требованію финансовой политики, должно основываться на имущественной состоятельности, чтобы тяжесть платежа налога была возможно равномѣрна для всѣхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, распредѣленіе производимыхъ принудительными хозяйствами цѣнностей между гражданами не находится ни въ какомъ соотвѣтствіи съ размѣромъ платимыхъ каждымъ изъ нихъ налоговъ. Интересы цѣлаго, пополненіе пробѣловъ и недостатковъ частно-хозяйственной системы, распространеніе благъ культуры на всѣ классы общества, — таковы цѣли, долженствующія опредѣлять производительныя и распредѣлительныя функціи принудительно-общественныхъ хозяйствъ. Отсюда слѣдуетъ, что принудительныя общественныя хозяйства, выполняемыя центральными и мѣстными органами, по задачамъ своей дѣятельности, должны представлять самое крайнее и самое гуманитарное проявленіе общиннаго (коммунистическаго) принципа; ибо въ этихъ хозяйствахъ въ составленіи общественнаго капитала должны всѣ участвовать соразмѣрно имущественнымъ силамъ, а распредѣленіе должно опредѣляться потребностями.

Соціалистическая школа составляетъ, по мнѣнію Вагнера, естественную реакцію крайностямъ «индивидуалистическаго» направленія смитовской школы; но въ сущности она является столь же односторонею, какъ и эта послѣдняя. Организація народнаго хозяйства точно такъ же не можетъ быть построена исключительно на общественномъ принципѣ, какъ и на частномъ. Если частно-хозяйственная система не обезпечиваетъ справедливаго распредѣленія дохода, то система общественная, по крайней мѣрѣ, при настоящихъ культурныхъ условіяхъ, явилась бы неблагопріятной въ области производства. Замѣнить хозяйственный интересъ другимъ факторомъ, который явился бы такимъ же могучимъ рычагомъ производительности, при настоящихъ условіяхъ, невозможно. Правда, все современное техническое развитіе, требующее все бо̀льшихъ и бо̀льшихъ размѣровъ предпріятій, позволяетъ расширять постепенно область принудительно-общественнаго хозяйства, но, во всякомъ случаѣ, еще въ теченіе неизмѣримаго времени производство большей части матеріальныхъ цѣнностей цѣлесообразнѣе сохранить за частно-хозяйственною системою. Соціалистическое ученіе заключаетъ въ себѣ вполнѣ справедливое начало, но оно доведено имъ до крайности. Въ настоящее время рѣчь можетъ идти только о частичномъ примѣненіи соціалистическаго принципа. Общественно-хозяйственная система должна служить не замѣною, а только коррективомъ и дополненіемъ системы частно-хозяйственной.

По важнѣйшему вопросу экономической политики, а именно по вопросу о правильной комбинаціи трехъ системъ, особенно частно-хозяйственной и принудительно-общественной, Вагнеръ справедливо утверждаетъ, что никакая абсолютно-истинная, «естественная» комбинація, которая имѣла бы всеобщую годность, невозможна. Здѣсь все зависитъ отъ конкретныхъ условій даннаго случая. Теорія же можетъ установить лишь самыя общія руководящія начала. Главное руководящее начало слѣдующее:

Государство должно принимать на себя непосредственное удовлетвореніе такихъ хозяйственыхъ потребностей, которыя или вовсе не могутъ быть удовлетворенны ни частными, ни свободно общественными хозяйствами, или же удовлетворяются ими съ неменьшими издержками, чѣмъ государствомъ. Выгоды передачи хозяйствъ въ руки государства въ послѣднемъ случаѣ состоятъ, во-первыхъ, въ томъ, что доходы отъ предпріятія составятъ достояніе всего общества; во-вторыхъ, распредѣленіе можетъ быть устроено въ интересахъ большинства населенія.

Изъ этого общаго правила слѣдуетъ, что преимущественную область общественно-принудительныхъ хозяйствъ представляютъ отрасли дѣятельности, производящія нематеріальныя цѣнности, какъ образованіе, медицинская помощь, обезпеченіе сиротъ, стариковъ и инвалидовъ и т. п.

Насколько обширно можетъ быть приложеніе общественно-принудительной системы къ промышленной области, производящей матеріальныя цѣнности, это, главнымъ образомъ, вопросъ хозяйственной техники и правильнаго устройства государственнаго управленія и его органовъ. Но Вагнеръ находитъ возможныхъ указать тѣ границы, которыми въ теченіе непредвидимаго времени должно ограничиваться здѣсь приложеніе общественно-принудительной системы. Земледѣліе, ремесленная и фабричная промышленности, торговля не могутъ, безъ вреда для производительности, входить въ значительныхъ размѣрахъ въ сферу государственнаго хозяйства. Для регулированія этихъ промышленностей сверху, административнымъ путемъ, понадобилась бы такая высокая степень развитія умственныхъ, нравственныхъ, экономическихъ и техническихъ качествъ со стороны руководящихъ органовъ, которую едва-ли возможно когда либо предположить въ администраціи. Но въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ отрасляхъ матеріальнаго производства, руководствуясь вышеуказаннымъ правиломъ, государственное хозяйство можетъ имѣть мѣсто рядомъ съ частнымъ или даже предпочтительно передъ нимъ. Такъ, въ области промышленности добывающей, лѣсное хозяйство и нѣкоторые виды горнаго дѣла, въ силу присущихъ имъ особенностей, могутъ быть ведены государствомъ съ большею выгодою для общихъ интересовъ, нежели частною промышленностью. Далѣе, вездѣ, гдѣ промышленность имѣетъ характеръ монополіи. Удобно примѣнимо государственное про-

изводство нѣкоторыхъ предметовъ потребленія, составляющихъ предметы фискальнаго обложенія, какъ-то: соль, табакъ. Государство съ успѣхомъ можетъ производить продукты, нужные для его собственныхъ потребностей, напримѣръ, предметы снабженія войскъ и флота. Вся обширная область средствъ сообщенія—почты, телеграфъ, дороги и водяные пути—должна составлять предметъ государственнаго хозяйства; управленіе же ими выполняется или исключительно центральными органами, или совмѣстно съ органами самоуправленія. Изъ сферы торговой въ государственное хозяйство могутъ входить различные виды кредитныхъ операцій; а выпускъ билетовъ и устройство дешеваго кредита для низшихъ классовъ составляетъ непремѣнную функцію государства. Точно также и страховое дѣло во всѣхъ его видахъ, по существу своему, принадлежитъ къ функціямъ государственнаго, а не частнаго хозяйства. Такова общая схема приложимости государственнаго хозяйства къ промышленной дѣятельности. Размѣры осуществленія ея обусловливаются конкретными обстоятельствами. Но, говоритъ нашъ авторъ, съ прогрессивнымъ ходомъ хозяйственной техники будутъ увеличиваться размѣры государственной хозяйственной дѣятельности. *Въ расширеніи системы общественно-принудительныхъ хозяйствъ, какъ въ области созданія нематеріальныхъ цѣнностей, такъ и въ области созданія матеріальныхъ, Вагнеръ видитъ общій законъ дальнѣйшаго развитія народнаго хозяйства.*

Выше мы уже сказали, что главную роль въ вагнеровской теоріи соціальной реформы играетъ государство. Воздѣйствіе государства для измѣненія направленія хозяйственной жизни должно проявиться троякимъ образомъ: во-первыхъ, путемъ преобразованія юридическаго порядка, которымъ опредѣляется частно-хозяйственная система; во-вторыхъ, расширеніемъ непосредственной хозяйственной дѣятельности государства; въ третьихъ, преобразованіемъ финансовой системы.

Въ сочиненіяхъ Вагнера мы не находимъ полной картины, хотя бы для одной Пруссіи, тѣхъ реформъ, которыя должны быть совершены въ этихъ трехъ хозяйственныхъ областяхъ. Соображенія слишкомъ общаго, а потому мало опредѣленнаго характера, указанія на тѣ или другія частныя мѣры—вотъ все, что представляютъ покамѣстъ труды Вагнера по организаціи народнаго хозяйства.

Юридическія нормы, опредѣляющія въ современныхъ европейскихъ государствахъ взаимныя сношенія частныхъ хозяйствъ, вытекаютъ изъ принципа неограниченной частной собственности; а потому требованіе преобразованія экономико-юридическихъ отношеній сводится къ требованію измѣненій въ современномъ институтѣ частной собственности. Вслѣдствіе этого Вагнеру пришлось пересмотрѣть институтъ частной собственности со всѣхъ сторонъ, а именно: въ отношеніи его историческаго развитія, существующихъ ученій о немъ, состоянія его въ современныхъ законодательствахъ и, наконецъ, въ отношеніи необходимыхъ, вызываемыхъ духомъ времени, реформъ въ немъ.

Вагнеръ, отрѣшаясь отъ понятія о неограниченномъ и безусловномъ характерѣ этого права, признаетъ, что частная собственность имѣетъ право на существованіе лишь настолько, насколько она служитъ общественному интересу, ибо собственность есть институтъ не частнаго права, а соціально-юридическій институтъ. Съ этой точки зрѣнія онъ разсматриваетъ, во-первыхъ, объекты, на которые можетъ простираться право частной собственности, во-вторыхъ, содержаніе вещныхъ правъ, долженствующихъ войти въ тотъ или другой видъ частной собственности, смотря по объекту собственности.

Въ отношеніи объектовъ частной собственности или, иначе, пространства этого права, мы уже видѣли, что существованіе обоихъ главныхъ категорій частной собственности—собственности на орудія труда и на землю—Вагнеръ считаетъ необходимымъ условіемъ высшей производительности, какъ для нашего времени, такъ и для необозримаго времени впередъ. Но, въ видахъ улучшенія распредѣленія цѣнностей, онъ находитъ нужнымъ и возможнымъ съуженіе пространства частной собственности черезъ передачу нѣкоторыхъ, выше уже нами указанныхъ, отраслей хозяйства въ руки государства. Государство ведетъ хозяйство непосредственно или, какъ, напримѣръ, въ сельской промышленности, отдаетъ казенную землю въ аренду частнымъ лицамъ или ассоціаціямъ. Вагнеръ не сторонникъ идеи «націонализаціи почвы». Владѣніе мелкими и средними земельными участками на правахъ собственности представляется ему въ хозяйственномъ отношеніи много предпочтительнѣе всякаго вида аренды. Только въ крупной собственности онъ допускаетъ примѣненіе принципа «націонализаціи», и то весьма условно. Судьба крупныхъ земельныхъ собственниковъ, говоритъ онъ, находится въ ихъ собственныхъ рукахъ. Если эти собственники пользуются своимъ богатствомъ и общественнымъ положеніемъ въ интересахъ всей націи, образуя такую здоровую аристократію, какую мы видимъ, напримѣръ, въ Англіи, если рента является источникомъ широкаго развитія благотворительной системы, а существованіе богатаго класса—условіемъ для добросовѣстнаго отправленія безплатныхъ почетныхъ обязанностей въ органахъ самоуправленія,—крупная собственность имѣетъ основаніе быть сохраненной. Но тамъ, гдѣ крупные земельные доходы ведутъ лишь къ развитію роскоши, гдѣ собственники образуютъ лишь богатый, а не полезный въ политическомъ отношеніи классъ общества, въ особенности гдѣ земля дѣлается орудіемъ спекуляціи — требованія имущественнаго уравненія и общаго благосостоянія должны подвинуть государство къ

изъятію крупной собственности изъ частнаго владѣнія и къ сосредоточенію ея въ своихъ рукахъ.

Переходя къ вопросу о содержаніи права частной собственности, Вагнеръ предварительно выясняетъ ложность взгляда на собственность, какъ на безусловное, абсолютное право. По опредѣленію римскаго права: «Dominium est jus utendi et abutendi re sua quataenus juris ratio patitur». Подъ вліяніемъ римскаго права, дефиниціи собственности въ современныхъ гражданскихъ кодексахъ близко подходятъ къ римскому: всѣ они опредѣляютъ собственность, какъ право пользоваться и распоряжаться предметомъ самымъ безусловнымъ образомъ съ тѣмъ только, чтобы не дѣлалось изъ него употребленія, воспрещеннаго законами. Итакъ, въ самомъ опредѣленіи права собственности заключается уже нѣкоторое ограниченіе его безусловности и основаніемъ ограниченію служитъ общественный интересъ. Исторія свидѣтельствуетъ объ измѣненіяхъ громадной важности въ сферѣ объектовъ собственности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, самое содержаніе права собственности на различныя объекты всегда было и остается до сихъ поръ неодинаковымъ; и эта неодинаковость опять, въ свою очередь, различна у разныхъ народовъ. Разсматривая отдѣльныя постановленія современныхъ гражданскихъ кодексовъ относительно собственности, мы видимъ, что они такъ значительно ограничиваютъ ея безусловность, что опредѣленіе собственности, какъ безусловнаго вещнаго права, совершенно не соотвѣтствуетъ ея правамъ въ дѣйствительности. Такъ во всѣхъ законодательствахъ, ради общественнаго интереса, признаны не только права государства на экспропріацію частной собственности, но — и гражданская экспропріація собственности, а также обязанность собственниковъ къ положительнымъ дѣйствіямъ въ пользу несобственниковъ. И причина этой многообразности права собственности заключается въ томъ, что институтъ собственности не есть явленіе, данное физической природой, явленіе само въ себѣ опредѣленное, а есть учрежденіе соціальное, обусловливаемое въ своихъ проявленіяхъ, главнѣйшимъ образомъ, экономическими условіями каждаго даннаго народа. Измѣняются экономическія условія жизни народа—измѣняются и законы о собственности. Современныя экономическія условія и культурныя задачи нашего времени требуютъ ограниченія законодательствомъ содержанія частной собственности на орудія труда и землю для огражденія слабѣйшихъ элементовъ въ борьбѣ хозяйственныхъ интересовъ. Вагнеръ указываетъ здѣсь на реформы въ законахъ о наймѣ капиталовъ и земель, на расширеніе фабричнаго законодательства, на ограниченіе наслѣдственнаго права.

Другая огромной важности экономическая роль государства заключается въ его финансовой системѣ. Государство является здѣсь могучею перераспредѣлительною машиною. Въ народно-хозяйственной организаціи Вагнера финансовая система построена не на исключительно фискальныхъ, но и на соціально политическихъ соображеніяхъ. Она имѣетъ цѣлью способствовать уравненію доходовъ, насколько это не препятствуетъ возрастанію производства.

О третьемъ видѣ воздѣйствія государства въ организаціонномъ ученіи Вагнера, состоящемъ въ расширеніи непосредственной дѣятельности государства въ области производства хозяйственныхъ цѣнностей, мы уже говорили.

Такова въ общихъ чертахъ вагнеровская схема организаціи народнаго хозяйства.

Что же касается до одного изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ экономической политики: при какихъ общественныхъ условіяхъ можетъ осуществиться начертанная Вагнеромъ организація народнаго хозяйства, то онъ затрогиваетъ этотъ вопросъ лишь мимоходомъ, указывая въ одномъ мѣстѣ своего учебника на тотъ элементъ, развитіе котораго необходимо для выполненія государствомъ широкихъ соціальныхъ реформъ. «Соціалъ-демократическое движеніе рабочихъ, — говоритъ здѣсь Вагнеръ, — насколько оно имѣетъ цѣлью увеличеніе политической власти рабочаго класса для вліянія на ходъ законодательства въ своихъ интересахъ, имѣетъ не только полный raison d'être, но, безъ усиленія политическаго значенія рабочихъ классовъ, послѣдніе никогда не измѣнили бы своего положенія. Насколько же въ соціалъ-демократическомъ движеніи распространена мысль о немедленномъ и полномъ уничтоженіи частнаго капитала, настолько это движеніе безразсудно и опасно, какъ для общихъ интересовъ, такъ и для интересовъ рабочихъ классовъ. И если путемъ революціи суждено произойти такой страшной ломкѣ современной организаціи народнаго хозяйства, то результатомъ этого будетъ сильнѣйшая реакція. Въ этомъ отношеніи идеи соціалъ-демократіи являются столь же метафизическими, абсолютными, не обращающими вниманія на историческія условія, состояніе техники, современныя чувства и понятія людей, какъ и идеи школы безусловной свободы конкурренціи».

Характеристическія черты русской экономической литературы. — Состояніе экономической науки въ Россіи, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ, рѣзко распадается на два періода: періодъ до и послѣ освобожденія крестьянъ. До шестидесятыхъ годовъ число экономическихъ сочиненій не превышаетъ десятка. Они представляютъ собою почти всецѣло извлеченія изъ труда Адама Смита безъ всякаго приложенія идей хозяйственной свободы къ русской дѣйствительности. Въ журнальной литературѣ, обставленной еще бо̀льшими цензурными стѣсненіями, экономическая статья была рѣдкостью.

Что главнѣйшей причиной такого, повидимому, равнодушія къ экономическимъ вопросамъ была цензура, воспрещавшая касаться базиса хозяйственнаго строя Россіи, крѣпостнаго права, очевиднымъ доказательствомъ этому служитъ моментальный расцвѣтъ нашей экономической литературы, какъ только, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, допустили бо́льшую свободу печатнаго слова и разрѣшили говорить о крѣпостномъ правѣ. Статьи, печатавшіяся въ журналахъ эпохи освобожденія крестьянъ, мнѣнія, высказанныя въ губернскихъ комитетахъ и въ редакціонной коммиссіи, свидѣтельствуютъ о значительномъ числѣ людей, знакомыхъ съ тогдашнимъ состояніемъ экономической науки на Западѣ и горячо желавшихъ воспользоваться ея выводами для блага родины *).

Со времени освобожденія крестьянъ экономическіе вопросы составляютъ едва-ли не самый большій предметъ вниманія нашей литературы. Съ этого времени явилось до сотни экономическихъ сочиненій и приблизительно въ каждыхъ двухъ номерахъ нашихъ политико-литературныхъ журналовъ имѣется экономическая статья. Отмѣтимъ господствующія характеристическія черты нашей экономической литературы.

Въ методологическомъ отношеніи она примыкаетъ къ историко-физіологическому движенію политической экономіи, разработанному всего полнѣе нѣмецкими писателями. Слѣдовательно, наша экономическая литература свободна отъ абсолютизма смитовской школы, вытекавшаго изъ исключительнаго пользованія обстрактнымъ методомъ; вслѣдствіе чего она, при обсужденіи экономическихъ вопросовъ, выдвигаетъ на первый планъ историческія особенности и конкретныя условія.

Пользуясь вѣковымъ опытомъ Запада и данными русской дѣйствительности, наша экономическая литература признаетъ капиталистическое производство, выражающееся въ отдѣленіи земли и орудій труда отъ производителя, бѣдственнымъ для народа и, по хозяйственнымъ условіямъ Россіи, нецѣлесообразнымъ для государственныхъ финансовъ. Отсюда, въ области экономической политики, она защищаетъ и проэктируетъ такія учрежденія и мѣры, которыя ведутъ къ соединенію труда и капитала въ однихъ рукахъ.

Различія въ экономическомъ строѣ и составѣ населенія западной Европы и Россіи опредѣляютъ особенности русской экономической политики сравнительно съ западно-европейскою.

Въ большихъ западно-европейскихъ государствахъ населеніе, занимающееся обрабатывающею и торговою промышленностями, превышаетъ численностью населеніе земледѣльческое. И далѣе, число рабочихъ по от-

*) Желающіе ознакомиться съ экономической литературой и ея направленіями въ эпоху освобожденія крестьянъ найдутъ обильный матеріалъ въ моей книгѣ „Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи“. 1882.

ношенію къ хозяевамъ въ земледѣліи несравненно меньше сравнительно съ городскими промыслами. Такимъ образомъ, уже одинъ численный составъ населенія большихъ государствъ западной Европы заставляетъ обращать тамъ большое вниманіе на городскихъ работниковъ. Къ этому присоединяются и другія важныя обстоятельства, заключающіяся: въ частыхъ кризисахъ въ сферѣ обрабатывающей промышленности, лишающихъ десятки и сотни тысячъ рабочихъ средствъ существованія; въ большемъ сплоченіи фабричныхъ и заводскихъ работниковъ, и, наконецъ, въ томъ, что соціальное движеніе гораздо болѣе распространено въ городскомъ рабочемъ классѣ, нежели въ сельскомъ. Все это объясняетъ, почему западно-европейская экономическая политика имѣетъ въ виду ближайшимъ образомъ судьбы городскихъ работниковъ. Иначе стоитъ дѣло въ Россіи. Четыре пятыхъ населенія нашего отечества составляютъ крестьяне-земледѣльцы. Число фабричныхъ и заводскихъ работниковъ не превышаетъ 900 тысячъ, что представляетъ совершенно ничтожную цифру въ государствѣ съ 120-милліоннымъ населеніемъ. Поэтому, благосостояніе крестьянъ у насъ есть благосостояніе всѣхъ классовъ общества и цвѣтущаго положенія государственныхъ финансовъ. Отсюда понятно, что судьбы крестьянства обращаютъ на себя наибольшее вниманіе нашей экономической литературы.

Одна изъ главныхъ причинъ бѣдности нашего крестьянства заключается въ маломъ количествѣ земли, приходящейся на душу. Поэтому, увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія является центральнымъ вопросомъ русской экономической политики. Исполнить это тѣмъ легче, что государство владѣетъ почти третью земельнаго пространства, и отдача казенныхъ земель въ аренду крестьянамъ возвыситъ, какъ народное благосостояніе, такъ и доходы государства. Второй путь для расширенія крестьянскаго землевладѣнія заключается въ государственномъ и земскомъ кредитѣ крестьянамъ для покупки частныхъ земель. Соотвѣтственно условіямъ дѣйствительности, вопросы о крестьянскомъ землевладѣніи и земледѣліи, о переселеніяхъ, о крестьянскомъ кредитѣ составляютъ главное содержаніе русской экономической литературы. Въ связи съ этимъ находится непрестанно обсуждаемый нашей литературой вопросъ о несоотвѣтствіи податныхъ сборовъ съ крестьянъ ихъ платежной способности.

Землевладѣніе въ Великороссіи и назначительной части Малороссіи сохранило общинную форму. Вопросъ объ общинномъ землевладѣніи обсуждался всесторонне уже въ литературѣ эпохи преобразованія. И не ошиблись тогдашніе защитники общиннаго землевладѣнія, придавъ ему громадное значеніе, поставивъ его на высоту основнаго вопроса русской жизни. Такой взглядъ на значеніе общиннаго землевладѣнія постоянно крѣпнетъ и распространяется; а потому понятно, что общинное землевладѣніе занимаетъ въ настоящее время одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ ли-

тературѣ. Много силъ посвящено разработкѣ его. За послѣднія двадцать лѣтъ изслѣдователи общиннаго землевладѣнія собрали много статистическаго матеріала, указали различныя жизненныя формы этого порядка владѣнія, въ значительной степени освѣтили элементы, враждебные общинному быту, выставили массу фактовъ, свидѣтельствующихъ, что общинное землевладѣніе, при извѣстныхъ условіяхъ, не препятствуетъ прогрессу сельско-хозяйственной культуры. Словомъ, общинное землевладѣніе разрабатывается нашею лутературою энергично и съ убѣжденіемъ въ великомъ и благотворномъ значеніи этого факта въ русской жизни. Число сторонниковъ общиннаго землевладѣнія постоянно возрастаетъ. Это усиленіе сознанія важности и благотворности общиннаго землевладѣнія находится несомнѣнно въ связи съ переворотомъ въ политической экономіи, признавшей въ послѣднее время, что источнихъ современныхъ соціальныхъ золъ въ западной Европѣ, противорѣчій между правовыми идеями вѣка и общественными отношеніями, вражды между классами, заключается въ экономической организаціи, покоющейся на принципѣ исключительно частной собственности на землю и орудіи производства.

Милліоны русскаго крестьянства занимаются совмѣстно съ земледѣліемъ и кустарною промышленностью. Кустарная и семейная формы производства въ западной Европѣ или совершенно вытѣснены новыми экономическими условіями, какъ, напримѣръ, въ Англіи, или, какъ во Франціи и Германіи, сохранились въ весьма незначительныхъ размѣрахъ; а потому въ западной экономической литературѣ весьма рѣдко появляются изслѣдованія объ этихъ формахъ производства. Совершенно иное у насъ. Въ нашей экономической литературѣ, особенно за послѣднія десять лѣтъ, кустарная промышленость обращаетъ на себя большое вниманіе. И этотъ живой интересъ къ кустарной формѣ производства вызывается не единственно тѣмъ, что она доставляетъ заработокъ милліонамъ населенія. Вопросъ стоитъ шире. Самой формѣ производства придаютъ важное и благотворное значеніе. И это потому, что кустарное производство соединяетъ въ одномъ лицѣ трудъ и орудія труда, слѣдовательно, ограничиваетъ область наемнаго труда; и далѣе полагаютъ, что оно представляетъ удобную почву для перехода къ новой, высшей по типу, формѣ промышленности, именно къ производительной ассоціаціи, артели. Кустарная промышленность получила значеніе одного изъ главныхъ вопросовъ экономической политики. Литература разработала обширный рядъ мѣропріятій, полезныхъ для охраненія кустарей отъ перехода ихъ въ наемныхъ рабочихъ, и стремится выяснить вопросъ о цѣлесообразнѣйшихъ условіяхъ, гарантирующихъ переходъ кустарной промышленности въ производительныя артели, когда измѣнившаяся техника станетъ угрожать существованію кустарнаго производства въ той или другой отрасли промышленности.

Такимъ образомъ, соотвѣтственно условіямъ хозяйственнаго быта Россіи, главное содержаніе нашей переформенной экономической литературы составляютъ вопросы: крестьянское землевладѣніе и земледѣліе, переселенія, крестьянскіе платежи, крестьянскій кредитъ, кустарная промышленность. Благосостояніе крестьянъ есть первостепенный національный интересъ Россіи. Отъ экономическаго, умственнаго и нравственнаго состоянія крестьянскаго населенія зависитъ весь нашъ бытъ.